Ченслер Ричард

Книга о великом и могущественном царе России

Публикация 1814 г.

Известие о прибытии капитана Ченслера из Архангельска в Москву и о пребывании его в сей столице.

(Взято из Истории путешествий, предпринятых для открытий Северного пути, рукописного еще сочинения г; *Крузенштерна*. — В 1553 году Английский Капитан *Ричард Ченслер* (Richard Chancelor) первый въехал в устье Северной Двины, и как он от Английского Короля *Эдуарда* VI снабжен был приличными граматами, то и объявил начальнику сих мест, что пришел из Англии для утверждения торгу, полезного обоим Государствам. Он был Послан в Москву, и получил от Царя Иоанна Васильевича грамату к Королю Эдуарду VI и возвратился в Англию. — В 1556 году по прибытия *Ричарда Ченслера* с поверенными от Английского Короля Филиппа и Королевы Марии, даны Английским купцам знатные преимущества, и взаимно отправлен от Царя Послом в Англию Наместник Вологодский *Осип Нилеев*, который пранят был в Лондоне с особенными почестями.)

По некотором пребывании в *Архангельске*, когда Царь (Иоанн Васильевич IV) известился о приезде иностранцев, Капитан *Ченслер* приглашен был и **[178]** благополучно препровожден на санях в Москву, Царевую столицу. Но не прежде как через двенадцать дней получил от Его Величества аудиенцию, которая, как сам Капитан рассказывает, производилась следующим образом:

«Теперь следует рассказать, как я предстал пред Его Величество. По истечении двенадцати дней, Секретарь иностранных дел прислал за мною с извещением, что Его Величеству угодно видеть меня с письмом от Короля, моего Государя. Я крайне сему обрадовался и приготовился к сей аудиенции. Когда Великий Князь уже находился в назначенном своем месте, то переводчик пришел за мною в боковую комнату, где сидело человек сто, или более, дворян; оттуда вошел я в думную залу, где сидел сам Великий Князь с боярами: прекрасная беседа! Они сидели **[179]** кругом залы на возвышенном месте, однако так, что сам Царь сидел гораздо выше, нежели кто либо из бояр, в позлащенных креслах, в длинной золотой одежде, с Царскою короною на главе и с кристало-золотым жезлом в правой руке; полуопершись другою рукою на кресла. Я и Секретарь были перед Царем. Когда я исполнил мою должность и представил письмо, Он сказал: «добро пожаловать!» и спросил меня о здоровье Короля, моего Государя. Я отвечал, что оставил его в добром здоровье, надеясь, что он и теперь в таком же находится. Секретарь, уже с открытою головою, вручил Его Милости письмо мое (прежде все они были с покрытыми головами); когда Его Милость принял письмо то велели мне удалиться; ибо мне наказано было говорить с Великим Князем только тогда, когда он обращал речь свою ко мне. Таким образом я вышел в секретарскую комнату, где пробыл два часа, пока позвали меня в другие палаты называемые золотыми палатами; но я не знаю, почему их так называют ибо **[180]** я видел много палат прекраснее во всех

отношениях; таким образом я вошел в залу, которая была не так то обширна и не более залы Английского Королевского Величества. Стол покрыт был скатертью, а на конце стола, где навалена была золотая посуда, сидел Маршал с белым прутиком в руке; на другой стороне залы стоял прекрасный шкап с тарелками. Оттуда вошел я в столовую, где сам. Великий Князь сидел за своим столом, уже не в парадной одежде, но в длинном серебряном платье с царскою короною на голове. Он сидел в креслах несколько возвышенных, и на большое расстояние никто не сидел близь Него. Кругом комнаты поставлены были длинные столы, за которыми сидели приглашенные Великим Князем к обеду; они все были одеты в белое платье. Места, где стояли столы, были также несколькими ступенями выше прочих в покоях. Посреди комнаты стоял стол, или шкап для ставления на нем тарелок и завален был золотыми чашами, а между всеми прочими возвышались **[181]** четыре удивительно большие золотые и серебряные горшка, или, как их называют, кружки: я полагаю каждую в три добрых фута с половиною в вышину. У шкафа стояли два боярчика с салфетками на плечах, и каждой держал в руках золотую чашу, осыпанную жемчугом и дорогими каменьями. Когда Царь бывал в веселом духе, то выпивал оную одним разом. Пищу подавали без всякого порядка, но сервиз был весьма богатой; не только Ему самому, но и всем нам подавали в золотых и притом массивных сосудах у чаши были также золотые, массивные. Число особ, которые в того день обедали, простиралось до двух сот, и все угощаемы были из золотой посуды. Прислуживавшие боярчики все одеты были в золотое платье и прислуживали Ему с покрытыми головами. Прежде нежели подано было кушанье, Великий Князь посылал каждому по большому ломтю хлеба, и хлебодар называл громогласно по имени ту особу, в которой посылался хлеб и говорил: *Иван Васильевич Царь Российский и Великий Князь Московский* **[182]** *награждает тебя хлебом*! Все должны встать и стоять, пока слова сии произносятся. Напоследок подал он ломоть хлеба Маршалу, который покушав его пред лицом Великого Князя, с поклоном удалился. Тогда начали подавать Царское Кушанье, лебедей изрезанных в куски и на многих тарелках, что Великий Князь рассылал так как и хлеб, и разнощики говорил теже самые слова, как и прежде».

«Как я выше сказал, кушанье подавали без всякого порядка. За сим Великий Князь рассылал питие с такими же приговорками, как и прежде. Также еще до обеда он переменил свою корону, а во время обеда две; так, что я в один день видел три разные короны на Его главе. Когда Он откушал, то своеручно каждого из прислуживавших боярчиков наделил хлебом, равно как и питием. Его намерение, как я слышал, при сем случае состоит в том, чтоб всякой совершенно знал Его служителей. Таким образом, когда обед кончился, призывал Он в себе бояр; удивительно слышать, **[183]** как Он мог такое множество перекликать поимянно. После обеда я возвращался домой — уже в час ночи».

ПИСЬМО

Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича к Едуарду VI, Королю Англии.

«По всемогущей власти Божией и непостижимой святой Троицы, и по православной Христианской вере и пр. мы Великий Князь Ивам Васильевич, Божиею милостию Великий Государь и Царь всея России, Великий Князь Володимира, Мосввы, Новагорода, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, и Великий Князь Смоленский,

Тирский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и пр. Государь и Великий Князь Нижегородский, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский и Кондийский, Повелитель Сибири и северных частей и Государь многих других стран, желаем здравия, паче всех, великому и достопочтенному Едуарду, Королю Англии и пр. **[184]** Согласно с Нашею сердечною и доброю волею, с благим намерением и добрым хотением, согласно с Нашею святою Христианскою верою и великим правлением и согласно с здравым разумом, Мы отвечаем чрез сие Наше полученное письмо в Вашему Королевскому Величеству, по прозьбе вашего верного слуги Ричарда Ченселора, и его компании, как они не преминут Вам сказать, следующим образом. На двадесятом году Нашего царствования, стало ведомо, что к Нашим морским берегам пришел корабль с каким то Ричардов и его компаниею, и сказано было, что, он желает побывал в Наших владениях; согласно с его прозьбою он виделся с Нашим Величеством и был у Нас на глазах, и объявил Нам желание Вашего Величества, чтобы Мы позволили Вашим подданным входить и выходить и в Наших владениях и между Нашими подданными, свободно посещать торговые места со всякими товарами и обратно вывозить товары. Они вручили Нам Ваше письмо, которое объявляет туже самую прозьбу. **[185]** Посему дали Мы повеление, дружелюбно принимать, где б в наших владениях ни пристал, верного слугу Вашего Гуго Виллоби, которой однакож еще не прибыл, как то может донести слуга Ваш Ричард».

«И Мы по христианской вере и верности и согласно с Вашею полученною прозьбою и Нашим почтенным указом, не оставим сего несделанным; но паче желаем, чтобы Вы посылали Ваши корабли и суда, тогда только и как часто они могут приходить, с полным уверением с Нашей стороны, что они будут невредимы, и естьли Вы пришлете кого нибудь из совета Вашего Величества переговорить с Нами о том, чтобы купцы Ваши могли, торговать в Наших владениях всякими товарами, и где хотят, то они будут иметь свободной торг и полную волю во всех Моих владениях приходить и выходить, как им заблагорассудится, без всякого вреда, или препятствия, согласно с сим Нашим письмом, Нашим словом и Нашею печатию, которую Мы повелела при сем приложить. Писано в Нашем **[186]** владении, в Нашем городе и в Наших чертогах в Московском дворце 7060 года, второго месяца Февраля».

Публикация 1839 г.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЧАН В РОССИЮ В 1553 ГОДУ.

Предисловие переводчика.

Открытие Америки Испанцами возбудило в Англичанах желание отыскивать новые земли. Для этого, в 1553 году была отправлена экспедиция на север. В предлагаемом сочинении Климента Адама описаны ее приключения, прибытие Англичан к нашим берегам, путешествие в Москву, и представление великому князю Иоанну IV Васильевичу.

Это сочинение заслуживает внимание, как подробное объяснение начала сношений наших с Англичанами; отчасти в нем изображен и быт народа русского в XVI веке. **[268]**

Тон умеренности, с каким автор рассказывает происшествия, не выставляя своих соотечественников и не унижая Русских (что встречается у большей части иностранных писателей о России), ручается за добросовестность сказания.

Посвящение автора.

Филиппу, Божиею милостию королю английскому, французскому, неаполитанскому, иерусалимскому и ирландскому, защитнику веры, князю Испании и Сицилии, эрц-герцогу австрийскому: герцогу Медиоланскому, бургундскому и брабантскому, графу габсбургскому, фландрскому и тирольскому, Климент Адам, нижайший из слуг, усерднейше испрашивает от всеблагого Бога долгоденствия и преуспеяния во всех добродетелях.

Если каждому полезно знать состояния государств и нравы народов: то, без сомнения, и государям, которым благость Божия вверяет судьбу людей. Эта мысль побудила меня представить вашему величеству небольшое сочиненьице, из которого можно узнать о последнем плавании Англичан. Быть может, молва об этом уже достигла до вашего величества; но как по слухам можно знать только сущность, а не порядок происшествий, то я решился изложить весь ход дела от начала до конца. Не смотря на **[269]** то, что многие ученые мужи, обладающие даром витийства, выполнили бы это с успехом гораздо большим, я, человек самых ограниченных способностей, взялся за описание сказанного путешествия, как по дружбе с Ченселером (которого рассказы не раз имел удовольствие слушать), так и для того, чтобы умолять ваше священное величество, дабы то, что недавно начал великий государь, довершили вы, величайший из царей.

Сколько торговые сношения с Русскими принесут пользы, ваше величество лучше можете понять, нежели моя посредственность объяснить. Могу только сказать: как открытие западной Индии, сделанное несколько лет тому назад, увековечит славу ваших предков и принесет Англии несметные богатства; так и сношения с Московиею, если будут поддержаны, останутся вечным памятником ваших добродетелей.

Причины и обстоятельства плавания.

Когда наши негоцианты заметили, что товары отечественные, которые прежде купцы иностранные покупали на перерыв, не только понизилась в цене, но и будучи вывезены за границу едва имели покупщиков, а на изделия заграничные цена непомерно возвышалась: то в Лондоне несколько почтенных мужей, усердных к пользам государства, начали думать, как бы **[270]** пособить этому горю. Скоро представились к тому средства. Они видели, что богатства Испанцев и Португальцев значительно умножались после открытия новых земель, и решились, следуя их примеру, предпринять новое плавание. В это время прибыл в Лондон славный муж Севастиан Кабота; наши негоцианты обратились к нему, советовались, толковали и наконец положили отправить три корабля на север, для открытия пути в неизвестные страны. В сем трудном и сомнительном деле многое нужно было обсудить: составили совет из мужей, известных благоразумием, чтобы они общими силами рассмотрели дело во всей подробности. Этот совет признал нужным собрать сумму, на которую можно было бы снарядить корабли, дабы частное лице не потерпело

разорительных убытков. Желающие участвовать в предприятии должны были взнести по 25 фунтов стерлингов. Таким образом собрали до шести тысяч фунтов, купили три корабля и стали отделывать их заново. Нельзя решительно сказать, покупщики ли при этом случае показали больше заботливости, или мастера больше тщания. Первые купили дерево самое крепкое и превосходно высушенное, последние с неутомимым трудом соединили величайшее искусство. Щели законопатили паклею, киль осмолили, и один корабль укрепили чрезвычайно осмотрительно. Известно, что в **[271]** некоторых частях океана бывает червь, протачивающий самое толстое дерево: для избежания этой опасности, всю подводную часть корабля обили тонкими свинцовыми листами. Окончивши отделку кораблей и оснастивши их, озаботились заготовлением съестных припасов, для продолжительного пути.

Цель путешествия состояла в том, чтобы узнать, есть ли путь чрез север в восточные страны.

Все, нужное на кораблях, заготовили на 18 месяцев, по следующим причинам: для плавания в страну чрезвычайно отдаленную и ужасную своим холодом, съестных припасов могло потребоваться на шесть месяцев; для пребывания там в зимнее время, неудобное к плаванию, также на шесть месяцев; и столько же для обратного пути. Наконец на корабли привезли всякого рода оружие. Оставалось избрать начальников для предприятия столь важного. Многие предлагали свои услуги - люди, незнакомые с опасностями. Над всеми ими возвышался Гуго Виллоби, человек испытанного мужества. Ему тем легче было преклонить на свою сторону мнение компании негоциантов, что он отличался богатырским видом и славился военным искусством. Его сделали начальником экспедиции, и назначили ему главный корабль, вверив верховное управление и над прочими. **[272]** Когда дело шло о назначении начальников на другие корабли, явилось также много охотников; но, по общему согласию, всем предпочтен Ричард Ченселер, не раз показавший свой ум на деле. На него-то и была вся надежда в успешном выполнении предприятия.

Собрание негоциантов желало узнать что-либо о северных странах. Для того призвали двух Татар. Через переводчика их спросили об их отечестве, но не добились ответа, потому что они, как там же кто-то остроумно заметил, привыкли осушать стаканы, а не изучать народные нравы.

После многих толков, увидели, что время уходит, и, если станут еще медлить, лед помешает плаванию. И так положили 20 мая сесть на суда и, при помощи Божией, поднять паруса в радлейфенском (Radlyfensi) порте. Путешественники простились, одни с супругами и детьми, другие с родственниками и знакомыми, и в назначенный день явились к месту своего назначения; при тихой погоде, снялись с якорей, и отправились в Гринвич (Grenovicum); между тем гребцы на легких судах верповали корабли. Щегольски одетые в новое платье темно-синего цвета, они ударили в весла, и вспенили море. Когда эскадра приблизилась к гринвичскому дворцу, то все придворные вышли на берег, народу собралось множество, королевский **[273]** сенат смотрел из окошек, а некоторые из любопытных взобрались даже на крыши башен. Загрохотал гром орудий; из их жерл заклубился дым; эхо откликнулось на вершинах гор, повторилось в долинах, пронеслось в

лесу. Клики пловцов наполнили воздух. Иной стоял на корме, и издали прощался с друзьями; другие расхаживали на палубе, тот повис в веревчатой сети, иной посылал прощальные взоры с вершины мачты. К несчастию, тут не было добрейшего короля Эдуарда, от имени которого заимствовало весь свой блеск это путешествие. Он страдал на одре болезни, и чрез несколько дней был сражен смертию. При воспоминании, невольно текут слезы.

Достигнув Вовика (Wovicum), путешественники стали на якорь, в ожидании попутного ветра. Остановка была непродолжительна; корабли скоро вошли в порт гарвичский (Harovicensem). Здесь плавателей ждала скука, и терялось дорогое время. Наконец подул благоприятный ветер, и корабли понеслись на полных парусах. Тут-то наши соотчичи простились с родиной, не зная, увидят ли ее опять. Их печальные взгляды были прикованы к родным берегам; у некоторых текли слезы при мысли, в какие бросаются они опасности, подвергая судьбу свою прихотям непостоянной стихии. Ричарда Ченселера мучил страх, что на его корабле (Эдуард **[274]** Бонавентура) может случиться голод: в гарвичском порте оказалось, что часть съестных припасов сгнила, а бочки с вином не надежны. Кроме того, в нем страдал нежный отец, покидавший двух малолетних сынов — будущих сирот, еслиб его постигло несчастие; наконец он трепетал за судьбу несчастных своих спутников, которых опасение было соединено с его собственным.

Чрез несколько дней, плаватели завидели издалека землю, и направили к ней путь кораблей. Открытый остров назывался Росса (Rossa). Пробывши на нем несколько дней, путешественники отправились далее к северу. Опять показались острова, называемые «крест островов» (Crux insularum). Обогнув их, начальник эскадры Виллоби, человек самый осмотрительный, велел выкинуть флаг, в знак призыва командующих кораблями на совет. Рассуждая о дальнейшем плавании, они согласились, если случится буря и разлучит корабли, стараться всем войти в вардегузский (Wardhousium) порт в Норвегии; кто прибудет прежде, тот должен стать на якорь, и ожидать других. В тот же день, после обеда, около трех часов, нечаянно поднялась буря, и море забушевало с такою силою, что корабли не могли сохранить своего направления и полетели по стремлению волн. Виллоби изо всех сил кричал Ченселеру не **[275]** удаляться. Но Ченселер не хотел и не мог этого сделать, а только старался соразмерять бег своего корабля, который был легче других на ходу, с кораблем Виллоби. Последний, на полных парусах, не знаю почему, ринулся с такою быстротою, что в несколько часов совершенно исчез из виду; третий корабль также унесло; бригантину командирского корабля, в виду Эдуарда (корабля), залило волнами. Оставшиеся в целости ничего не знают о дальнейшей судьбе своих товарищей. Быть может они поглощены волнами, или страдают под бременем несчастия, скитаются на чуждой земле, и влачат тягостную жизнь среди зверей. Если они в живых, будем молиться о возвращении их в отечество; если же жестокая судьба поразила бедных смертию, то пожелаем им мирного упокоения (Они замерзли у берегов Лапландии; чрез год их нашли рыбаки. Мертвый Виллоби сидел за своим журналом.).

Ричард Ченселер, оставшись один с своими товарищами, мучимый неизвестностию о прочих спутниках, поплыл к назначенному порту, и ждал там семь дней. Наконец, видя, что всякое ожидание напрасно, готов был оставить порт, как случайно столкнулся с какими-то Шотландцами. Узнав намерение Ченселера, они старались поколебать его

решимость, преувеличивая опасности. Но Ченселер думал, что **[276]** для мужа доблестного всего постыднее уклоняться опасностей, и решился или выполнить свои планы или подвергнуться явной смерти. Его товарищи, хотя и были поражены разлукою с своими спутниками, унесенными порывом бури, и смущены неизвестностию своего плавания, но имели так много доверия к Ченселеру, что не усомнились устремиться, под его предводительством, на все опасности, и презрели страх смерти. Такое доверие и преданность товарищей придали силы вождю, страдавшему от мысли, что, быть может, своею ошибкою он подвергает их гибели.

Потеряв надежду на прибытие кораблей, путешественники вверили судьбу свою морю, и, стремясь к пустыням природы, наконец достигли мест, не посещаемых мраком ночи, где море постоянно освещается лучами солнца. С помощию Божиею, они чрез несколько дней вошли в обширный залив, около ста тысяч футов в ширину, и стали на якорь (Это был Двинский залив. На берегу уединенно стоял монастырь св. Николая, где после основан Архангельск.). Осмотревшись кругом, увидели невдалеке рыбачье судно. Ченселер, взяв с собою несколько человек, отправился к нему, желая узнать от рыбаков, какая это страна и каким населена народом; но простые сыны природы, никогда не видавшие **[277]** кораблей, испугались и ударились в бегство; однакож Ченселер догнал их. Дрожа от страха, они обнимали его колена и целовали ноги; Ченселер поднимал их и старался ободрить движениями и знаками. Эта обходительность принесла большую пользу. Отпущенные рыбаки распространили слух о появлении новых людей добрых и ласковых. К кораблю стеклось множество народа; предлагали даром съестные припасы и готовы были вступать в торг, но без ведома своего князя не смели покупать иностранных товаров; наши тотчас узнали, что эта страна называется Русь или Московия, и что князь ее Иван Васильевич владеет многими народами. Туземцы, в свою очередь, спросили наших, откуда они и чего ищут в чужой земле. Им отвечали, что они Англичане, присланы от пресветлейшего короля Эдуарда VI, имеют к московскому князю письма (Грамота Эдуарда была написана на разных языках ко всем северным и восточным государям, следующая: «Эдуард VI, вам, цари, князья, властители, судии земли, во всех странах под солнцем, желает мира, спокойствия, чести, вам и странам вашим! Господь всемогущий даровал человеку сердце дружелюбное, да благотворит ближним и в особенности странникам, которые, приезжая к нам из мест отдаленных, ясно доказывают тем превосходную любовь свою к братскому общежитию. Так думали отцы наши, всегда гостеприимные, всегда ласковые к иноземцам, требующим покровительства. Все люди имеют право на гостеприимство, но еще более купцы, которые презирают опасности и труды, оставляют за собою моря, для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальние, и взаимно обогатиться их произведениями: ибо Господь вселенные рассеял дары своей благости, чтобы народы имели нужду друг в друге, и чтобы взаимными услугами утверждалась приязнь между людьми. С сим намерением некоторые из наших подданных предприняли дальнее путешествие морем, и требовали от нас согласия. Исполняя их желание, мы позволили мужу достойному, Гугу Виллибею, и товарищам его, нашим верным слугам, ехать в страны доныне неизвестные и меняться с ними избытком — брать чего не имеем, и давать чем изобилуем, для обоюдной пользы и дружества. И так молим вас, цари, князья, властители, чтобы вы свободно пропустили сих людей чрез свои земли: ибо они не коснутся ничего без вашего дозволения. Не забудьте человечества: великодушно помогите им в нужде, и приимите от них, чем могут вознаградить вас. Поступите с ними, как

хотите, чтобы мы поступили с вашими слугами, если они когда-нибудь к нам заедут. А мы клянемся Богом, Господом всего сущего на небесах, на земле и в море, клянемся жизнию и благом нашего царства, что всякого из ваших подданных встретим как единоплеменника и друга, из благодарности за любовь, которую окажете нашим. За сим молим Бога вседержителя, да сподобит вас земного долголетия и мира вечного. Дано в Лондоне, нашей столице, в лето от сотворения мира 5517, царствования нашего в 7».), и ничего не ищут, **[278]** кроме дружественных сношений с князем и торговли с его народом, от которой надеются величайшей пользы для обеих сторон. Русские **[279]** охотно слушали и обещали деятельное участие, чтобы столь почтенное желание короля было, как можно скорее, доведено до сведения князя. В числе любопытных были и старшины. Ченселер потребовал от них заложников, для безопасности корабля и своих товарищей; но получил в ответ, что им не известно, будет ли это угодно князю, и что они с своей стороны могут только способствовать путешествию гостей в столицу.

Когда происходили переговоры, уже был тайно отправлен к князю гонец с известием о прибытий нового народа. Эта весть так была приятна князю, что он приказал пригласить Англичан в Москву, а на случай, еслиб долгий путь показался им неприятным, объявил своим подданным свободу торговли. Сверх того обещал, если Англичанам будет угодно прибыть в Москву, взять на свой счет все путевые издержки. Между тем старшины, ожидавшие возвращения гонца, уклонялись от исполнения своего обещания, извиняясь то тем, то другим. Ченселер увидел, что его проводят, и стал настоятельно требовать, чтобы исполнили обещание, иначе он отправится далее. Русские, хотя и не знали еще воли своего князя, но, видя на корабле товары, которые им очень нравились, не хотели отпустить Англичан, и приготовили все для отъезда в Москву. Наши отправились **[280]** в продолжительный и неприятный путь на санях, которые в таком большом употреблении в Московии, что другие экипажи едва ли и известны. Причиною тому чрезмерный холод страны.

На последней половине пути явился гонец, тайно отправленный к князю, как сказано было выше. Он сбился с дороги, и держал путь к берегам моря, смежным с Татарами, думая, не знаю почему, найти там наш корабль; проблуждавши несколько дней, настиг путешественников, и вручил Ченселеру весьма вежливое письмо императора (Англичане обыкновенно называли Иоанна Васильевича императором, а королева Мария и король Филипп именовали его в письмах великим императором.). Он имел также и приказ давать Ченселеру и его спутникам лошадей бесплатно. Русские исполняли это приказание с таким усердием, что даже случались споры, кому запрягать своих лошадей. Так много было охотников!

Сделавши миллион пять сот тысяч футов самого неприятного пути, наконец приехали в столичный город Москву.

Московия, называемая и Белою Русью, есть обширнейшая страна. К востоку граничит с Татарами; на севере прилегает к скифскому океану; на западе ее населяют Лапландцы (Lapones), **[281]** живущие в лесах, и, по непонятности их языка, не имеющие сношений ни с каким народом; за ними к югу обитают Шведы, далее Ливонцы, а подле них Литва.

Московия прорезана величайшими реками, и во многих местах имеет болота. Знаменитейшие из рек: Ра, по туземному Волга; Танаис, называемый иначе Доном, и Борисфен или, по нынешнему, Днепр. Ра и Борисфен вытекают из одного озера и протекают огромнейшие пространства. Ра принимает в себя прекраснейшие реки, от истока имеет стремление прямо на восток, потом берет разные направления, и, сделавши несколько извилин, вливается многими устьями в Каспийское море.

Танаис, небольшая речка при истоке, тотчас увеличивается и разливается в широкое озеро, потом стесняет свои воды, съуживается, протекши несколько тысяч футов опять образует озеро (называемое Иван-озеро), и, извиваясь, приближается к Волге. Здесь, как бы уклоняясь от нее, переменяет несколько раз направление к югу, и стремится к меотисским (каспийским) топям.

Борисфен, вытекающий, как мы сказали, из того же источника, из которого и Ра, катит волны свои на юг, принимая в себя на пути разные реки, и впадает в эвксинский понт. **[282]**

Московия имеет также озера, изобилующие рыбою. Замечательнейшее из них Белое озеро, на котором построен крепкий замок, для хранения казны княжеской, во время ужасов войны.

Что касается до гор рифейских, где древние полагали русло Танаиса и искали чудовищ, созданных воображением Греков: то наши соотечественники их не видали, а только узнали по слухам, что там земля ровная, степная, и лишь изредка встречаются горы; по направлению к северу, простираются обширнейшие леса, преимущественно еловые, употребляемые на постройки. В лесах водятся буйволы, медведи, черные волки и неизвестная у нас порода зверей, называемая росомахою. Когда они пресытятся и обременят желудок пищею, то стараются увязнуть между двух дерев, чтобы облегчиться. Буйволов ловят во множестве охотники конные, а медведей пешие деревянными рогатинами. В местах, лежащих к северу, такой необыкновенный холод, что, если сырое дерево положить в камин, то капающая из него влага замерзает сосульками. На таком малом протяжении, с одного конца горящие угли, а с другого лед! С наступлением зимы, стужа беспрестанно усиливается, и не прежде проходит, как лучи солнца растопят ледяной череп, покрывающий землю. Случалось, что наши соотечественники, остававшиеся зимовать на корабле, **[283]** вышедши из каюты на палубу, были застигаемы таким холодом, что полуокоченевшие спешили назад. Вот до какой степени нестерпим холод на севере Московии; но в местах южных климат сноснее.

Остается сказать о столичном городе Москве и о великом князе, который обладает обширнейшим государством и несметными богатствами.

Пространство Москвы равняется, как наши уверяют, величине Лондона с предместьем. Строений хотя и много, но без всякого сравнения с нашими; улиц также много, но они не красивы и не имеют каменных мостовых; стены зданий деревянные; на крыши употребляется дрань. К городу примыкает замок красивый и хорошо укрепленный. С северной стороны он отделяется от города кирпичною стеною. Стены замка также

кирпичные, толщиною в 18 футов; с другой стороны замка сухой ров, а с третьей стороны его омывает река, которая, по направлению к востоку, сливается с Окой. В замке 9 довольно красивых монастырей.

В Москве живет патриарх и другие священные власти, все почти в замке. Дворец князя имеет квадратную форму, здания низкие, далеко уступающие в пышности палатам наших королей; свет проходит чрез окошки узкие. Внутри совсем нет того великолепия, какое видим в чертогах наших государей. **[284]**

У стен везде лавки, не только во дворце князя, но и в домах частных людей.

На 13 день по приезде Ченселера в Москву, наши были приглашены к князю.

В одной из зал сидели сто почтенных придворных, в золотых одеждах до самых пят.

Вошедши в аудиенц-залу, Англичане были ослеплены великолепием, окружавшим императора. Он сидел на возвышенном троне, в золотой диадиме и богатейшей порфире, горевшей золотом; в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие, достойное императора. По бокам стояли главный дьяк и ближний боярин (Silentiarius); за ними сто пятьдесят почтенных мужей в богатейших одеждах сидели на лавках. Такой блеск великолепия, такое почтенное собрание могли бы смутить хоть кого: но Ченселер, с видом совершенно спокойным, отдал честь царю, по нашему обычаю, и вручил ему грамоту короля. Прочитав грамоту, царь спросил о здоровье короля Эдуарда. Англичане отвечали (как думали), что он жив и здоров. В след за тем, поднесены были главным дьяком привезенные подарки (в это время дьяк снял шапку, а прежде стоял в шапке): князь московский пригласил Англичан к обеду, и отпустил. **[285]**

Чрез два часа позвали на пир. В так называемой золотой палате (хотя она и не очень красива), сидел русский император в серебряной одежде; на голове его сияла новая диадима. Англичане сели за стол против царя. По средине палаты стоял невысокий квадратный стол. На нем лежал шар, поддерживавший другие меньшие, так что из них образовалась пирамида, сужавшаяся к верху. Тут же было множество драгоценных вещей, ваз и кубков, большею частию из самого лучшего золота. Особенно отличались четыре большие сосуда, до 5 футов в высоту. Несколько серебряных кубков, похожих на наши небольшие стаканы, употреблялись для питья князю, когда он обедает без торжественного собрания.

Четыре стола, накрытые самыми чистыми скатертями, были поставлены отдельно у стен (к ним вели три ступени); за них сели почетнейшие сановники, в одеждах из дорогих мехов.

Принимаясь за нож или за хлеб, князь полагал на себя крестное знамение. Кто пользовался особенною его дружбою и участвовал в советах, тот сидел за столом вместе с ним, но поодаль. У прислуживавших князю ниспускалась с плеч самые тонкие полотенца, а в руках были бокалы, осыпанные жемчугом. Когда князь бывает в добром расположении

духа [286] и намерен попировать, то обыкновенно выпивает бокал до дна, и предлагает другим.

В Московии исстари ведется, что пред обедом сам император посылает каждому хлеб. Подносящий говорит громко: «великий князь московский, государь русский Иван Васильевич жалует тебе (имя того, к кому относится) сен хлеб». При этом все встают и кланяются князю. Когда посылки кончатся, входит придворный в сопровождении прислужников, и, поклонившись князю, ставит на стол, на золотом блюде молодого лебедя (cignellum); чрез полминуты снимает со стола, и отдает кравчему с семью товарищами, чтобы нарезали кусками. Потом блюдо ставится на стол, и предлагается гостям с прежнею торжественностию. В это время и придворный получает хлеб от князя, и уходит. О дальнейшем порядке пира наши не могли сказать ничего замечательного, кроме того, что все блюда и кубки для ста обедавших человек были из лучшего золота; а столы так обременены драгоценными сосудами, что даже не доставало места.

Нельзя пройти молчанием и того, что сто сорок прислужников были все в золотой одежде, и во время обеда переменяли ее три раза. И они получили от царя хлеб и напитки. Обед кончился, когда были уже зажжены свечи, (потому, что наступила ночь), и царь простился с [287] обедавшими, назвав всех по именам. Царь посылает посылка и называет по именам для того, как говорят Русские, чтобы показать, что каждого хорошо знает, и чтобы тем обнаружить свою расположенность. Нельзя не подивиться, какую нужно иметь память, чтобы удержать столько различных названий.

Если обстоятельства требуют вести войну, то князь вооружает не менее девяти сот тысяч человек; из них триста тысяч ведет против неприятеля, а остальных размещает в удобных местах, для защиты государства. В Московии народа так много, что в войско не берут ни поселян, ни купцов. Все отправляющиеся в поход должны содержать себя на собственном иждивении (пехота на войну у Русских не ходит, а сражаются всегда конные). Оружие их составляют панцыри и шлемы; панцыри сверху покрыты золотом или шелком, даже у рядовых; употребляют также, по обычаю Турков, лук, стрелы и копья, и стремена подтягивают высоко.

Русский переносит холод выше всякого вероятия и довольствуется самым малым количеством пищи. Когда земля покрыта глубоким снегом и окостенела от сильного мороза, Русский развешивает свой плащ на кольях, с той стороны, с которой дует ветер и сыплется снег, разводит себе маленький огонек и ложится, спиною к ветру; один и тот же плащ [288] служит ему крышею, стеною и всем. Этот жилец снегов черпает воду из замерзшей реки, разводит в ней овсяную муку, и обед готов. Насытившись, он тут же располагается и отдыхать при огне Мерзлая земля служит ему пуховиком, а пень или камень подушкою. Неизменный его товарищ, конь, питается не лучше своего героя. Эта истинно боевая жизнь Русских под ледяным небом севера — какой сильный упрек женоподобной изнеженности наших князей, которые, в климате несравненно лучшем, употребляют теплые сапоги и шубы!

Впрочем я говорил только о рядовых. Занимающие высшие должности отправляются в поход несколько с большим запасом, а император даже с великолепием. Занавесы его палаток золотые, расшиты прекрасными узорами, и украшены драгоценными каменьями.

Когда нужно сражаться, Русские приближаются к неприятелю как попало и не строются в боевой порядок, как у нас, а сделавши засады, выжидают противников.

Двухдневный голод лошади их переносят легко, и в военное время, весьма часто, всю пищу их составляют древесная кора и молодые сучья. Иногда и двухмесячный недостаток переносят с бодростию и конь и всадник. — Кто отличится в битве храбростию, того князь награждает деньгами или жалует землею, которая **[289]** однакож, по смерти его, возвращается к императору, если не останется детей мужеского пола. Впрочем, если будет много дочерей, то им дается некоторая часть земли, до выхода за муж. Кто пользуется такою милостию, тот должен во время войны, если потребует необходимость, содержать столько воинов, сколько доходы с пожалованной ему земли могут, по мнению князя, прокормить людей. Не лучше и тем, которые получают земли по праву наследства: если они умирают, не оставив по себе сыновей, то все имущество тотчас берется на князя. Сверх того, если придворные донесут, что кто-либо к военной службе неспособен, а имеет большое богатство, которым могли бы содержаться люди доблестные и храбрые, то от него отбирается все достояние, нажитое в продолжение многих лет, трудами и потом, а ему оставляется только небольшая часть, для прокормления себя и домашних (Это могло случиться при Иоанне Васильевиче Грозном, а сочинитель думал, что и всегда так бывает.). К удивлению, Русские отдают императору свое имущество так охотно, что подумаешь, они возвращают чужое. Отобранное князь разделяет своим придворным.

Чем чаще кто отправляется на войну, тем большей ожидает себе милости от князя, и содержит себя, как сказано выше, на **[290]** собственном иждивении. Так велико повиновение Русских князю!

Послы русского императора к иностранным государям отправляются с великою пышностию. Когда наши были в Москве, то свиту двух послов, назначенных к королю польскому, составляли 1500 всадников, одетых большею частию в золотые и шелковые одежды; о дорогих уборах лошадей, блестящих золотом и серебром, расшитых весьма искусно шелком, и говорить нечего. У них было 100 превосходных запасных белых иноходцев. Теперь скажем нечто о русских городах и товарах.

После Москвы первое место занимает Новгород, и хотя уступает ей в великолепии, но за то превосходит обширностию, и составляет как бы рынок целой империи. Счастливое местоположение этого города у реки, вливающейся в сарматское море, привлекает множество купцов за кожами, медом и воском. Большое изобилие льна и конопли бесспорно доставляет Новугороду преимущество пред всеми русскими городами. Фландрские купцы (Flandri) учредили там свою торговую контору; употребляя с Русскими такое же вероломство, как и с нами, они недавно потеряли у них привиллегии, о возвращении которых сильно домогались у князя, когда Ченселер был в Москве. **[291]**

Услышав о приезде наших, они тотчас написали к князю, что прибывшие Англичане морские разбойники, и потому их нужно задержать и заключить в тюрьму. Это повергло наших в такое отчаяние, что совершенно потеряли надежду возвратиться в отечество: однакож князь, веря грамоте короля, презрел клеветников.

Ярославль отстоит от столицы на 200 миль; славится кожами, салом, обилием плодов, и ведет торговлю воском, стопленным в шары, хотя в других местах его и больше. Между Ярославлем и Москвою находится много богатых деревень, из которых в Москву привозят такое множество жизненных припасов, что иногда по утру видишь обоз из 700 или 800 саней. Сюда доставляют произведения земли и соленые припасы, иногда за 1000 миль, на санях, потому что в некоторых местах Московии такой холод, что ничего и не сеют, а если и сеют, то жатва не созревает: туземные жители торгуют солеными припасами, мехами и кожами. Вологда, в 550,000 футах от Москвы, ведет торг салом и льном, хотя последнего больше продается в Новегороде.

Во Псков купцы ездят за медом и воском.

Северная часть России доставляет редкие и драгоценные меха, в том числе и соболей, которых наши дамы так любят носить на шее, также белых, черных и бурых лисиц, меха **[292]** заячьи, бобровые и других животных, известных под разными скифскими именами. В море водится редкий зверь, называемый моржом, который, с помощию зубов, взбирается на скалы искать добычи. Его ловят, потому что зубы его у Русских в таком же употреблении, как у нас слоновые. Все эти товары привозятся на оленях в город Холмогоры, где зимою бывает многолюднейшая ярморка; отсюда доставляются в близкие места соль и разные соленые припасы. Из северной части Московии доставляется масло, называемое там *траин*, которое собирают в какой-то реке Уне, хотя оно находится и в других местах. Из морской воды прибрежные жители вываривают соль.

Сказавши о замечательнейших городах, нужно упомянуть и о форме судопроизводства у Русских, сколько о том дошло до сведения наших земляков.

Когда произойдет спор, то соперники обращаются к владельцам земель, и если посредством их не помирятся, то дело поступает в суд. Обвинитель просит позволения представить ответчика; ему тотчас дают проводника, и они отправляются за обвиняемым. Взявши его, секут розгами (?), пока не представит за себя поруку. Если же никто не хочет поручиться, то посланный, завязавши ему на спину руки, бьет (?), пока приведет в суд. Его спрашивают, - **[293]** если напр. обвиняемый должник, — должен ли он такому-то деньги? Он отпирается. Судья продолжает: чем можешь доказать? Он отвечает: клятвою. Тогда его перестают бить, пока дело будет приведено в известность.

У Русских нет величайшего из республиканских зол — законников, а каждый за себя адвокат, и жалоба обвинителя, равно как и опровержение противника в форме прошений, представляются князю, для разрешения. Император сам разбирает споры, особенно важнейшие, и, рассмотревши дело, произносит приговор. Нужно сказать, что русский князь решит тяжбы с необыкновенным беспристрастием: в верховном правительственном лице это заслуживает, по моему мнению, величайшую похвалу. Впрочем, как бы ни было

свято намерение князя, подьячие удивительно умеют черное делать белым и белое черным; за то уж, если будут уличены, наказываются весьма строго.

Когда тяжущиеся стороны представят все свои доказательства, то судья спрашивает обвинителя, не имеет ли сказать еще что-либо в подтверждение своих показаний. Он отвечает, что справедливость слов своих готов защищать сам или вместо себя представить другого; за тем требует позволения вступить в бой, и с согласия ответчика начинается единоборство. Если один или оба к борьбе неспособны, то вместо **[294]** их публичные бойцы (у Русских есть целый класс людей, снискивающих себе пропитание этим ремеслом) выходят на назначенное место с булавами и рогатинами. Чей боец будет побежден, того тотчас заковывают в цепи, и томят до тех пор, пока кончится тяжба. Если оба противники знатного рода и согласны вступить в бой, то судья не может отказать им, и в таком случае посторонние бойцы не могут иметь места; еслиж один благородного происхождения, а другой низкого, то судья отказывает им в единоборстве.

Если должник не в состоянии заплатить долг свой, то кредитор берет его к себе или отдает другому, на отработку. Впрочем, некоторые бедняки так низко ценят свободу, что добровольно закабаливают богатым себя, жену и детей за небольшую сумму, которую берут вперед, а после получают от них пропитание.

Если кого поймают в воровстве, то заключают в тюрьму и секут розгами. За первую вину не вешают, как у нас, и это называют законом милосердия (И весьма справедливо. Наказанный может исправиться, быть полезным и наслаждаться жизнию, а повешенный никогда.).

Кто попадется в другой раз, тому отрезывают нос и клеймят лоб; за третью вину вешают. **[295]**

Вытаскивающих из карманов кошельки так много, что еслиб правосудие не преследовало их со всею строгостию, от них не было бы проходу.

Русские исповедуют учение восточной церкви. В храмах имеют много изображений святых, которым молятся, делают приношения и возжигают фимиам; но прежде нежели икону поставят в церкви, ее окропляют святою водою. По мнению Русских, изваянных изображений святых в храмах иметь не должно, потому что они покупаются у делающих кумиры.

Вошедши в комнату, Русский прежде всего отдает честь священным изображениям, кланяясь несколько раз.

Духовные и миряне ни мало не различаются одеждою. Брак никому не воспрещается; но, если у священника умрет жена, то во второй брак он не вступает, и потому вдовые священники делаются монахами, которым предписывается всегдашняя чистота. Богослужение отправляется на языке отечественном. Евхаристию совершают на квасном хлебе; во время литургии, переносят чашу на голове чрез храм, и желающим прикоснуться к ней не запрещается.

Ветхий и новый завет читают во храмах на своем языке, очень связно. Во время чтения можно перешептываться; но после наблюдается чрезвычайная скромность и благоговение. **[296]** Русские соблюдают четыре поста в году. Первый начинается вместе с нашею четыредесятницею, второй называется Петров пост, третий получил название от имени пресвятой Девы, четвертый от св. Филиппа. Как мы начинаем четыредесятницу с середы, так Русские с понедельника. За неделю до четыредесятницы, едят только молочное (от чего и называется масляный пост), знакомые навещают друг друга и целуются, в знак взаимной любви и христианского примирения, потому что все почти в этот пост приобщаются святых таин. На второй неделе поста (т. е. на первой после масляницы), несколько раз в день посещают храмы, или остаются в домах, и занимаются молитвою. В продолжение целой недели, ничего не едят, кроме овощей и соленых припасов. Каждую середу и пятницу постятся, а по субботам едят мясное.

Церкви строят обыкновенно деревянные; по средине зданий возвышается глава, крытая гонтом. На церковном дворе строются деревянные здания, в которых вешают колокола, по одному, по два и по три.

Нельзя пройти молчанием следующего обыкновения Русских: мертвому кладут в руки бумагу, на которой написано, что он Русский, **[297]** исповедал русскую веру и в ней скончался (Поводом к этой басне было то, что у нас кладут в гробь разрешительную грамоту.). Нас они почитают только полухристианами, а себя истинными.

В Московии весьма много иноческих обителей, у которых столько земли, что третья часть полей в империи принадлежит им; там совершенно запрещено употребление мясной пищи, а разрешены соленые припасы, молоко и сыр. Свежую рыбу употребляют, против устава; но в четыре вышеупомянутые поста рыбы совсем не едят, а только соленую капусту и огурцы. Питье употребляют самое слабое и нехмельное. Священнодействие в монастырях совершается каждый день. На утреннее молитвословие собираются очень рано, и оканчивают на рассвете; около девятого часу совершают литургию, потом обедают, после обеда опять молятся, равно как и после ужина. Во время обеда и ужина читается изъяснение Евангелия. Если умирает настоятель монастыря, то все имущество обители, стада, домашняя рухлядь, серебряные и золотые вещи, поступают в казну, или преемник покойного должен их выкупить (Ничего подобного в России никогда не бывало.).

В смежности с Татарами живут идолопоклонники. Славный идол их называется **[298]** золотого телицею. Если случится общественное бедствие, как то: голод, война или язва; то они вопрошают идола следующим образом: народ повергается пред ним на землю и молится; по средине ставится тимпан; вкруг него ложатся, кому выпадет жребий; на тимпан кладут серебряную жабу, и по тимпану ударяют палочкой. На кого упадет жаба, того на месте убивают; — не знаю каким волшебством, — он тотчас оживает (!) и открывает причину бедствия. Таким образом идола умилостивляют и бедствие проходит.

Дома в Московии строют из еловых бревен. В нижней перекладине вырубают жолобок, в который верхнее бревно входит так плотно, что ветер никак не продует; а для большей предосторожности между бревнами кладут слой мху. Форма зданий четвероугольная; свет

входит чрез узкие окна, в которые вправляется прозрачная кожа. На стенах ставят стропила, и покрывают их древесною корою. В комнатах, к стенам прикрепляются широкие лавки, на которых обыкновенно спят, потому что постели не в употреблении. Печки затапливаются с самого утра, так что всегда можно теплоту увеличивать и уменьшать. Верхнее платье Русские носят шерстяное; шапки конусом вверх; по их форме различают состояние людей: чем шапка выше, тем лице почетнее. **[299]**

Вот, что рассказывают, государь, твои Англичане, недавно возвратившиеся из Московии. Если вашему величеству и пресветлейшей королеве угодно будет позволить им отправиться туда в другой раз, то они не сомневаются открыть весь восток, который был известен только Libero Patri и Александру Великому, дабы ваше величество проникли в ту страну света, которую некогда знали только два героя, не имевшие себе соперников от сотворения мира.

Публикация 1884 г.

ВВЕДЕНИЕ

В половине XVI века в Лондоне было основано “Общество купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем”. Цель учреждения этого общества — открыть новые рынки для сбыта Английских товаров, спрос на которые сильно упал в это время. Решено было искать новых стран на Сев. - Востоке от Англии.

В Мае 1553 года отправлено было из Англии 3 корабля под начальством С. Ю. Виллогби (Hugh Willoughby).

Два корабля с начальником экспедиции занесены были в Белое Море, где пристали у устья реки Арзины. Весь несчастный экипаж и сам Виллогби умерли от голода и холода. Счастливее был корабль “Эдуард Благое предприятие” (Edward Bonoventure), на котором находился Ричард Ченслер (Rich. Chancellor) вице-адмирал эскадры. Потеряв из виду 2 корабля, он один продолжал путь и после продолжительных странствований бросил якорь в Августе 1553 г. в Двинской губе, против монастыря св. Николая. **[II]**

По приглашению царя Иоанна Васильевича, Ченслер с товарищами прибыл в Москву и поднес царю грамоту Эдуарда VI, обращенную вообще к всем “Государям, обитающим страны северные и восточные за ледовитым морем, а также Восточную Индию”. Милостиво принятый Царем, Ченслер был отпущен весною 1554 г. в Англию с царской грамотой к Эдуарду VI, дозволявшей Английским торговым людям приходить со всякими товарами. Так завязались сношения с Англией. Ежегодно к устью Двины приходили Английские корабли, приказчики Английского общества свободно разъезжали по Московскому Государству; этим агентам вменено было в обязанность собирать сведения и доносить обществу о нравах, обычаях, торговле, мерах, деньгах Русских. Англичане в своих сношениях с Русскими преследовали почти исключительно торговые цели. Иной характер имели отношения Русских к Англичанам. Царь Иоанн Грозный сознавал необходимость сношений с более просвещенным Западом, хотел заимствовать оттуда

средства для успешной борьбы с Польшей и Крымскими Татарами. Но кроме этих государственных целей он преследовал и свои личные. Овладевший им страх потерять престол от козней ненавистных ему бояр был так силен, что заставил его усиленно домогаться вечной дружбы и союза с Елизаветой, Английской Королевой, требовать, чтоб у них были общие друзья и враги, и особенно, чтоб государь одной страны в случай лишения престола мог найти поддержку и безопасное убежище в стране другого. Впоследствии к переговорам о союзе прибавились еще переговоры о браке царя, сильно желавшего жениться на одной из родственниц Елизаветы. Нежелание Английского правительства дать категорически ответ на требование царя влекло за собой неудовольствие и гнев Иоанна на Англичан, торговавших в его владениях: их имущества конфисковались, сами они подвергались оскорблениям и обидам; в таких случаях Английское правительство спешило отправлять гонцов и послов, чтобы умиротворить разгневанного Царя. Все это делало сношения **[III]** обеих стран оживленными и частыми. Все Англичане, приезжавшие в Россию послами от королевы, оставили описание своих путешествий: Рич. *Ченслер,* бывший в России 2 раза, в 1553 и 55 год., Антон *Дженкинсон* четыре раза приезжавший в Россию между 1557 и 71 г., ездивший через Россию в Бухару и Персию, Фома *Рандольф,* бывший в 1568-69 г., *Баус* — 1583-84 г., *Горсей,* живший в России почти безвыездно 18 лет, 1552-90, и наконец Джильс *Флетчер* — 1588-9 г.

Но кроме описаний России выше перечисленными авторами мы имеем еще описания и заметки агентов общества, обыкновенно довольно долгое время проживавших в России и собиравших сведения как о России, так и о соседних с нею странах, о путях в Китай, Индию, Персию. Есть также заметки лиц, служивших на царской службе — за этот период Англия, по преимуществу, доставляла инженеров, докторов, аптекарей, ювелиров и т. под. лиц (Более подробные сведения о сношениях Англии и России см. *Юр. Толстого,* “Россия и Англия”. *Гамеля:* “Англичане в России в XVI и XVII в.”).

Все описания путешествий этих лиц напечатаны в сборника Гаклюйта *Hakluyt’s* “Collection of early voyages”, за исключением Горсея и Флетчера, не вошедших в этот сборник, а напечатанных Гаклюйтовским обществом отдельно под заглавием: “Russia ofend of XVI century”, Lond. 1856 г. Гаклюйтовский же сборник вышел первым изданием в 1589 г., вторым дополненным в 1809 г. в Лондон; этим последним я и пользовался.

Издания Гаклюйтовского Общества составляют в России большую редкость; эти описания написаны уже устарелым Английским языком XVI века, что значительно затрудняет пользование ими; между тем достоинства и важность их признаны всеми нашими историками — вот **[IV]** причины, побудившие меня перевести на русский язык эти известия целиком; я исключал только места, не имеющие никакого отношения к России, как напр. описания морских путешествий, длинные и утомительные.

КНИГА О ВЕЛИКОМ И МОГУЩЕСТВЕННОМ ЦАРЕ РУССКОМ

и великом князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся.

Все предпринимающие путешествия по отдаленным и чужестранным землям должны стараться не только сами узнать о порядках, товарах и плодородии этих стран, но и сделать эти сведения общеизвестными, чтоб пособить другим в путешествиях по тем же странам; поэтому и я почел за благо написать короткое повествование о моем путешествии в Россию и Московию и другие смежные с нею страны. Мне случилось ознакомиться с северными частями России прежде, чем я приехал в Московию, поэтому сначала о ней (т. е. России) сообщу вкратце мои сведения.

Россия — страна богатая землей и населением, в изобилии имеющем находящиеся там произведения. Между жителями очень много рыбаков, ловящих семгу и треску; у них также много масла — ворвани, наибольшее количество которого добывается около р. Двины; добывается оно также и в других местах, но не в таком количестве; жители также много промышляют вываркой соленой воды. В северных частях этой страны есть место, где ловят пушных **[2]** зверей: соболей, куниц, серых медведей, лисиц, белых, черных и красных, выдру, горностаев, белок и оленей; там же добывают клыки от рыбы, называемой Морж. Охотники за этими зверями живут у города Пустоозерска (Postesora); на оленях они привозят свою добычу в Лампожню (Lampos) для продажи, а оттуда ее везут в Холмогоры, где в Николин день бывает большая ярмарка. К Зап. от Холмогор находится город Tratanowe, по их Новгород, около которого растет прекрасный лен, конопля, много также воску и меду. Голландские купцы имеют в Новгороде свой складочный дом; очень много в Новгороде и кожи, равно как и в городе Пскове, в окрестностях которого тоже великое изобилие льна, конопли, воску и меду. Новгород отстоит от Холмогор на 120 миль.

Находится здесь еще гор. Вологда, его предметы торговли: сало, воск и лен, но не в таком большом количестве, как в Новгороде. От Вологды до Холмогор течет река Двина, впадающая затем в море. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву со всеми окрестными областями солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля 200 миль; последний — очень большой город. Здесь находятся; кожи, сало, хлеб в очень большом количестве, есть и воск, но его не так много, как в других местах. От Ярославля до Москвы 200 миль. Между ними область усеяна деревушками, замечательно переполненными народом. Земля эта изобилует хлебом, который обитатели возят в громадном количестве в Москву. Утром можно встретить 700 и 800 саней, везущих хлеб, а некоторые рыбу. Попадаются везущие хлеб в Москву, а также и оттуда — это живущее, по крайней мере, за 1000 миль, весь их обоз на санях; они живут в северных частях владений княжеских, где холод не позволяет хлебу расти; такой жестокий там холод. Они привозят сюда рыбу, меха, шкуры. В этих местах и скота немного. Москва обширный город; думаю, что весь этот город больше Лондона с его предместьями; но Москва очень неизящна и распланирована без всякого порядка. Все дома обывателей из дерева и очень опасны во время пожара. В Москве красивый Кремль, его стены из кирпича и очень высоки; говорят будто они 18 футов толщиною; не думаю, чтоб было так, по крайней мере, они не кажутся такими; но наверное не знаю, потому что иностранцам не позволяется осматривать их. С одной стороны Кремля ров, с другой бежит р. Москва, текущая чрез Тартарию в **[3]** Каспийское море. На Севере расположен нижний город, тоже обнесенный каменной стеной, соединенной с Кремлевской. Царь живет в Кремле, там же находится 9 прекрасных каменных церквей и живет духовенство, также Митрополит с

некоторыми епископами. Не буду описывать ни этих строений, ни крепостей русских; у нас, в Англии, они во всех отношениях лучше. Но и эти хорошо снабжены орудиями всех родов.

Дворец Царя и Великого Князя по постройке, по наружному виду и по убранству не так роскошен как те, которые я видел. Это очень низкая постройка, — 8-квадратная, очень похожая на старые Английские строения, с небольшими окнами, так и в прочих отношениях. Теперь расскажу о моем представлении Царю. Когда я уже прожил здесь 12 дней, дьяк, ведавший дела иностранцев, прислал мне уведомление, что князь желает, чтоб я явился к нему с грамотами Короля, моего государя; этому я был очень рад и со тщанием приготовился. Когда Князь занял свое определенное место, за мною пришел толмач в верхнюю комнату, где сидело слишком 100 дворян, все в роскошных с золотом платьях; отсюда я вошел в залу Совета, где сидел Князь со своею знатью, образовывавшею великолепную свиту; они сидели вокруг комнаты один выше другого; сам же князь сидел значительно выше, чем кто-либо из его приближенных, в позолоченном кресле; одет, он был в длинное золотое платье, с царской короной на голове; в правой руке держал скипетр из хрусталя и золота, левой опирался на свое кресло. Думный дьяк с дьяком стояли перед князем. Поклонившись, я передал ему грамоту; Князь милостиво подозвал меня и осведомился у меня о здоровье короля, моего государя; я отвечал ему, что при моем отъезде Король был в добром здравии, и что я надеюсь, что и теперь он в таком же здравии. После этого князь пригласил меня к обеду. Думный дьяк представил мои подарки Его Светлости открытыми (до этого времени они были закрыты), и когда Его Светлость взял мою грамоту, я был приглашен выйти; я не мог говорить с Князем, исключая тех случаев, когда он обращался ко мне. Я отправился в секретарскую комнату, где и ждал 2 часа, по прошествии которых я был приглашен в другой дворец, называемый золотым; не знаю, почему он так называется: я видел много дворцов, которые лучше этого во всех отношениях. Я вошел в палату, которая мала и необширна, как зала Его Величества, Короля Англии; стол был **[4]** накрыт скатертью, на конце стола сидел Кравчий (Маршал) с небольшим белым жезлом в руке, этот стол был переполнен золотой посудой. На другом конце палаты стоял красивый шкап с серебреной посудой. Отсюда я вошел в обеденную палату, где сидел сам Князь, не в торжественном платье, а в серебреной одежде, с короной на голове; сидел он на стуле, несколько приподнятом; около него никого не сидело. Вокруг комнаты стояли столы, за которыми сидели лица, приглашенные князем к обеду; все были в белых платьях. Места, на которых стояли столы были подняты ступени на две. Посреди палаты стоял стол или шкап для посуды, наполненный золотыми чашами (между прочим здесь находились 4 удивительно больших кружки (crudences, как их называют здесь) из золота и серебра; думаю, что они добрых 1 $^{1}/_{2}$ аршина высотою). При шкапе с посудой стояло 2 дворянина с салфетками на плечах, оба держали по золотой чаше, усыпанной жемчугом и драгоценными каменьями; это были чаши для питья самого князя; когда он бывал в хорошем расположении, он попивал из них по глотку. Блюда подавались Князю без порядка, но сервиз был очень богатый: всем было сервировано золотом, не только Князю самому, но и нам всем, притом приборы были массивные; золотые чаши также были очень массивны. Число обедавших доходило в тот день до 200 чел., и всем им были поданы золотые сосуды. Прислуживавшие дворяне были в платьях с золотом и служили Князю с шапками на головах. До подачи кушаньев Князь разослал всем по большому куску хлеба, и податель, называя вслух лице, которому было послано, говорил:

"Иван Васильевич, Царь Русский и Великий Князь Московский, пожаловал тебя хлебом"; при этом все вставали и так оставались, пока он произносил эти слова. После всех Князь дал кусок хлеба Кравчему, который тот съел перед Князем и затем, откланявшись, вышел. Тогда внесли блюдо лебедей, разрезанных на куски (каждый лебедь на отдельном блюде), куски Князь рассылал также как и хлеб, и податель говорил те же слова. Как я уже говорил, кушанья подавались не по порядку, а одно тотчас за другим. Затем Князь рассылал с теми же словами напитки. Перед обедом он переменил свою корону, да во время обеда две, так что я видел 3 короны на его голове в один день. Когда все было подано, он дал каждому из прислуживавших ему дворян кушаньев и напитков из собственных рук; его намерение при **[5]** этом, как я слышал, было то, чтобы все уважали его слуг. По окончании обеда он подзывал к себе по имени каждого из своих знатных; удивительно было слушать, как он может знать их имена, когда их так много у него. Я по окончании обеда отправился в свое помещение, был уже час ночи. Теперь оставлю этот предмет и не буду больше говорить ни о князе, ни об его дворце, но хочу рассказать об его земле и народе, их свойствах и военном могуществе. Этот Князь повелитель и Царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он может вывести в поле 200 и 300 т. людей; сам он никогда не выступает в поле менее, чем с 200 т. людей, и когда он выступает в поход, еще оставляет на границах войска, численность которых не мала. Па Лифляндской границе он держит до 40 т. чел., на Литовской — до 60 т., против Ногайских Татар — тоже 60 тыс. люд. — просто, удивительно слышать; к тому же он не берет на войны ни крестьян, ни торговцев. Все его военные - всадники, пехоты он не употребляет за исключением служащих при артиллерии и прислужников, которых будет тысяч 30. Всадники — стрелки, имеют также же луки и ездят верхом также как и Турки. Доспехи их состоят из кольчуги и щита (skull) на голове. Некоторые покрывают свои кольчуги бархатом или золотой или серебряной парчой; это их страсть роскошно одеваться в походе, особенно между знатными и дворянами; как я слышал, украшения их кольчуг очень дороги, отчасти это я и сам видел, иначе едва ли бы я поверил. Сам Князь одевается богато, выше всякой меры; его шатер покрывается золотой и серебряной парчой, до того усыпанной драгоценными каменьями, что чудно смотреть; я видал шатры королей Английского и Французского, которые великолепны, однако же и не походят на этот. Когда русских посылают в отдаленные иностранные земли, или когда к ним являются иностранцы, то они одеваются чрезвычайно пышно; а то и Князь сам ходит в плохеньком платье; когда он переезжает из одного города в другой, то он одевается только умеренно сравнительно с другими временами. Пока я жил в Москве, Князь отправил 2 послов к Польскому королю; они взяли с собой, по меньшей мере, 500 лошадей, пышность их была выше всякой меры: не только на них самих, но и на лошадях их были: бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом, и притом не в малом числе. Что сказать мне дальше; никогда я не слышал и не видал столь пышных людей; но это вовсе не ежедневное их одеяние: когда нет случая, **[6]** их обиход только посредственен, как я уже сказал. Но возвратимся к их военным действиям. В сражении они без всякого порядка бегают поспешно кучами; почему они неприятелям и не дают битв большею частью; а если и дают, то украдкой, исподтишка. Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, какую ведут русские. Хотя они проводят в поле 2 месяца, когда промораживает землю уже аршина на 2 вглубь, но простой солдат не имеет ни палатки ни чего-либо иного над своей головой; обычная их защита против непогоды — войлок, выставляемый против ветра и непогоды; когда навалит снегу, солдат сгребет его, разведет

себе огонь, около которого и ложится спать. Так поступает большая часть из них, исключая дворян, доставляющих себе на собственный счет другие припасы. Но и такая жизнь в поле не так удивительна, как их крепость: каждый должен добыть и привезти провизию для себя и своей лошади на месяц или на два; сам он питается водой и овсяной мукой, смешанными вместе (т. е. толокном); лошадь его ест зелень, ветки и т. под.; несмотря на все это русский работает и служит очень хорошо. Спрошу я вас, много ли найдется между нашими хвастливыми воинами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы один месяц. Не знаю ни одной страны около нас, которая бы славилась такими людьми и животными. Теперь, что могло бы быть совершено этими людьми, если бы они были выучены порядкам и познаниям цивилизованных войск. Если бы этот князь имел в своей стране людей, которые могли бы выучить их вышесказанным вещам, то я думаю, что 2 лучших и сильнейших Христианских государя не могли бы соперничать с ним вследствие его могущества, суровости и выносливости его народа и лошадей и тех незначительных издержек, которых стоят ему войны.

Исключая иностранцев, Князь не платит никому жалованья (иностранцы получают ежегодное жалованье, но не большое); воины из его областей служат на собственный счет, исключая, что стрельцам он дает жалованье на порох и пули, т. е. в его землях никто не получает ни гроша жалованья. Если же кто-нибудь заслужит перед ним, то Князь жалует ему поместье или кусок земли, за что получивший обязан быть всегда наготове — явиться с **[7]** таким числом людей, какое укажет князь. Пусть подумают, как легко здесь найти поместье или землю и как много здесь людей обязанных снаряжаться на всякую войну во владениях Князя. В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти, но требованию Князя, солдат или работник, со всеми необходимыми принадлежностями. Таким образом, если какой-нибудь дворянин или помещик умрет, не оставивши детей мужского пола, Князь немедленно же берет на себя его землю, не взирая на какое бы то ни было число дочерей умершего и тотчас же передает это поместье кому-нибудь другому, за исключением незначительной части для выдачи замуж дочерей (умершего). Равным образом если какой-нибудь богач помещик состарится или как-нибудь получит увечье и сделается чрез это неспособным нести княжескую службу, то другие дворяне, не вполне достаточные, но более способные к службе, придут к Князю с челобитной, показывая, что “вот у Вашей Милости есть такой-то неспособный нести службу Вашему Высочеству, но очень богатый, а с другой стороны у Вашей Светлости много дворян бедных и имеющих недостаток в пропитании; мы то вот и есть, нуждающиеся, но способные нести службу, и да будет угодно Вам обратить внимание и заставить его (увечного) помочь недостаточным”. Князь тотчас же назначает розыск об его силах и, если челобитная оправдается розыском, неспособный призывается к Князю, и ему скажут: “друг, у тебя слишком много дохода, а ты не можешь служить своему князю, кормись с меньшей части поместья, а с остальной будут жить более способные к службе”. После этого поместье немедленно же будет отнято у него, за исключением малой доли для прокормления его и жены его; и он (увечный) не смеет жаловаться на это; в ответ он скажет, что он ничего не имеет, а что есть у него, то в руке Бога и Князя; но не может он сказать, как обыкновенно говорит Англичанин, когда имеет что-либо: “это во власти Бога и моей”. Говорят, что эти люди содержатся в великом страхе и послушании, так что всякий отдает на волю и распоряжение князя поместье, которое он накоплял и возделывал всю свою жизнь. О, если бы наши дерзкие бунтовщики содержались в таком же подчинении, чтобы они научились

своим обязанностям по отношению к Королям. Русские не могут сказать, как говорят ленивцы в Англии: “я найду Королеве человека служить вместо себя или проживать с друзьями дома, если есть достаточно денег”. Нет, нет, это невозможно в **[8]** здешней стороне; русские должны подавать низкие челобитные о принятии их на службу; и чем чаще кто посылается на войны, тем в большей милости у Князя он себя считает; а Князь, как я уже сказал, не платит никому жалованья. Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними, а от их соседей остались бы только кой-какие остатки. Но думаю, что это не угодно Богу: могу сравнить их с молодой лошадью, не знающей своей силы: малый ребенок управляет ею и водит ее на узде, не взирая на всю ее великую силу; но если бы она сознавала, не только дитя, но и никакой муж не мог бы править ею. Войны Русские ведут, преимущественно, с Крымскими Татарами и Ногайцами.

Не стану больше рассказывать об их силе и войнах, это было бы слишком утомительно для читателя. Но я коротко опишу их законы, наказания и исполнение приговоров. Начну с жителей деревень, которыми управляют господа. Каждый господин управляет и судит своих крестьян. Если же случится, что поссорятся слуги или крестьяне двух господ, то оба господина, исследовав их дело, призывают к себе стороны и произносят приговор. Если же вследствие противоречий господа не могут порешить дела, то оба они должны привезти своих слуг или крестьян пред высокого судью или судилище области и, представив их, объяснить дело и обстоятельства. Скажет истец: “я прошу закона, который пожалован”; тогда пристав арестует ответчика и поступает с ним не по Английским законам. Заставят несколько человек бить его по ногам, пока ответчик не представить порук. Если же он не найдет, то привязав его руки у шеи, водят его по городу и бьют но ногам; употребляют и другие крайние наказания, пока не приведут его к ответу. И судья спросит (если дело о долге): “должен ли ты столько-то этому человеку”. Ответчик, может быть скажет: “нет”. Судья — “можешь ли ты отрицать, говори, чтоб мы слышали, как? “Клятвою” ответит. Тогда судья прикажет оставить его бить до дальнейшего исследования дела.

Русское судопроизводство в одном отношении заслуживает одобрения: у них нет юристов, которые вели бы дела в суде, но каждый сам ведет свое дело и подает челобитные и ответы письменно, противно Английскому судопроизводству. Жалобы пишутся на манер просьбы к милости Князя и передаются ему в собственные руки с просьбою назначить суд, как просит жалоба.

Князь сам произносит приговор по всем делам согласно законам. Это очень похвально, что такой государь берет на себя **[9]** труд смотреть за отправлением правосудия. Впрочем, несмотря на это, здесь происходят удивительные злоупотребления, причем князя часто обманывают. Если же случится, что начальники будут изобличены в сокрытии правды, они получают соразмерное наказание. Если истец не может ничего доказать, то ответчик должен дать клятву на кресте, прав он или нет. Тогда спрашивают истца, может ли он что-либо дальше доказывать; если не может, то он иногда говорит: “я могу это доказать моим телом и руками или телом моих бойцов”, т. е. он просит поля. После того, как другая сторона поклянется, поле дается обеим сторонам. Пред полем оба клянутся на кресте, что он заставит другого сознаться в истине, прежде чем они оставят поле, и выходят на борьбу вооруженные обычным здесь оружием; бьются они всегда на ногах и редко сами стороны,

за исключением дворян, которые, очень дорожа своею честью, станут биться только с происходящим из такого же рода, как они сами. Если какая-нибудь сторона просит поля, оно дается им; дело обходится без обмана, если нет бойцов; иное дело, если призывают бойцов, — хотя последние и дают великие клятвы, что будут биться верно, однако противное наблюдается часто, потому что обычный боец не имеет других средств к пропитанию. Как только одна сторона одержит победу, она требует свой долг, а побежденного ведут в тюрьму и там обращаются с ним самым позорным образом, пока победитель не даст приказаний. Существует и другой порядок судопроизводства: именно в некоторых тяжбах о долгах истец может давать клятву; если ответчик беден, он помещается под крестом, истец же должен клясться над его головой; и, если он поклянется, Князь берет в свой дом ответчика и употребляет его как крепостного, назначает на работы или отдает его в наймы желающим взять его, до тех пор пока друзья не соберут выкупа, иначе он остается в кабале всю жизнь. С другой стороны есть и такие, которые сами продаются дворянам и купцам в холопы с условием получать от них в течение своей жизни пищу, питье и одежду, а при поступлении и деньги; равным образом находятся желающие продавать своих жен и детей в любовницы (bawdges) и рабы покупателю.

Русские законы о преступниках и ворах не согласны с Английскими. По их законам никто не может быть повешен за свой первый проступок; но виновного долго держат в тюрьме и часто **[10]** бьют плетьми и иначе наказывают, и он должен оставаться в тюрьме, пока друзья не поручатся за него. Если вор или мошенник, которых здесь очень много, попадется вторично, ему отрезывают кусок носа и выжигают клеймо на лбу и держат в темнице, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. Если же попадется в 3-й раз, его вешают. Но и за первый раз виновный наказывается очень строго, и его не выпускают, разве у него есть добрые приятели, или какой-нибудь дворянин попросит взять его на войну и при этом даст за него большие обязательства; благодаря этим мерам в стране поддерживается спокойствие. Но этот народ по природе склонен к обману, только сильное битье обуздывает его. Русские же по природе способны к суровой жизни, как в путешествиях, так и на месте. Я слышал, как один Русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на свободе, если бы только там не было сильного битья. В тюрьме они получают пищу и питье без работы, равно как и милостыню от благорасположенного к ним народа. На свободе же они ничего не получают. Число бедных здесь очень велико, и живут они самым нищенским образом: я видел, как они едят соленые сельди и другие вонючие рыбы — нельзя найти более вонючей и гнилой рыбы, а они с удовольствием едят ее, похваливая, что она здоровее всякой другой рыбы и свежего кушанья. По моему мнению, нет под солнцем народа, подобного этому по их суровой жизни. Но довольно об этом, опишу кратко их религию. Русские соблюдают Греческий закон с таким крайним суеверием, подобного которому ничего неизвестно. В русских церквах нет изваянных изображений, но все нарисованные, так как они не хотят нарушать заповедей, но с своими образами они обращаются точно с идолами; о чем-нибудь подобном этому в Англии и не слышано. Русские не станут кланяться, ни уважать образов, нарисованных вне их страны. Они говорят: “наши образа рисуются, чтобы показать, какие они, и как от Бога (установлено), а английские не так; как живописец или ваятель изобразил их, так мы (Англичане) и поклоняемся”. Русские покланяются только уже освященным образам. Нас они считают на половину Христианами, потому что мы не держимся ветхого завета,

наравне с Турками, почему и считают они себя более безгрешными, чем нас. Русские не учатся никакому другому языку, кроме своего родного, и не допускают другого языка между собой. Вся их служба в церквах **[11]** совершается на родном языке. У них есть ветхий и новый завет, который ежедневно читается, но суеверие не уменьшается: когда священники читают, то так странно, что никто не может понять их, да никто и не слушает их; пока они читают, народ сидит и болтает. Когда же священник совершает службу, никто не сидит а все гогочут и кланяются, как стадо гусей; на молитвы они отвечают только: “Господи, помилуй” (bodi pomeli). И одна десятая населения не сумеет прочитать “Отче наш”, а “Верую” никто и не решится читать, разве как в Церкви; по их мнению, это можно читать только в Церквах.

О заповедях они держатся того мнения, что они даны Моисею в законе, который отменен теперь бесценными страданиями и смертью Христа, отчего мы (говорят Русские) и не соблюдаем их почти. В этом я им верю, потому что, если расспрашивать их заодно и о заповедях и об их законе, то согласие было бы только в немногих отношениях. Таинство причащения у них совершается под обоими видами и с большею торжественностью, чем у нас. Они выносят дары в сосуде, вместе оба вида, и священники носят их вокруг церкви на своих головах; это совершается у них всегда, когда они о чем-нибудь просят Бога. Они же дают в церкви очень много свечей, иногда деньги, которые у нас в Англии называются Soule pense, с такими церемониями, что я не могу их описать. Русские соблюдают 4 поста в году, из которых наш — самый важный. Этот пост они начинают не с Середы, как, мы, а раньше, с Понедельника. Неделя перед этим постом называется Масленица, во время которой они не едят ничего, кроме масла и молока, но думаю, что нигде не бывает большего пьянства. Следующий затем пост называется Петровским, начинается он со следующего Понедельника после Троицына дня, а кончается на день св. Петра. Русские думают, что если нарушить этот пост, то уже не попадешь в рай. Когда кто-либо из них умирает, то ему в гроб кладут свидетельство, чтоб оно, когда душа придет к вратам рая, могло быть передано св. Петру для удостоверения, что умерший есть истинный Русский. Третий пост начинается за 15 дней до Успенья, кончается накануне этого праздника. Четвертый пост начинается на день св. Мартина, кончается кануном Рождества; этот пост соблюдается ради св. Филиппа, Петра, Николая и Климента, это — 4 главных и важнейших святых в этой стране. Во время постов Русские не едят ни масла, ни яиц, ни молока, ни сыра, но **[12]** соблюдают их очень строго, довольствуясь рыбой, капустой и кореньями. Кроме этих постов они соблюдают также Среды и Пятницы в течение всего года, по Субботам же едят мясо. В этой стране очень много духовных лиц, черных монахов, которые совсем не едят мяса, а только рыбу, молоко и масло. По уставу они не могут есть свежей рыбы, а во время постов они довольствуются исключительно репой, капустой, солеными огурцами, редькою и др. кореньями. Напиток их походит на наш грошовый Эль, называется он Квас. Служба в их (монахов) церквах совершается ежедневно: обыкновенно идут к службе часа за 2 до рассвета, кончается же эта служба уже при дневном свете, в 9 часов обедня, по окончании которой обед, после которого есть еще служба, затем ужин. Надо вам знать, что за обедом и ужином объясняется Евангелие, читанное тот день, но просто удивительно, как они в рассказе перевирают и перепутывают Евангелие и Священное писание. Нигде нет такого разврата и пьянства, а также и по насилиям своим это самый отвратительный народ в мире. Судите теперь об их святости. Монахи эти имеют поместий вдвое против самого князя, который обращается с ними

очень умеренно, напр., если они берут взятки с бедных и простых, то князь считает это в порядке вещей. По смерти настоятеля монастыря князь берет себе все его движимое и недвижимое имущество, так что преемник умершего покупает все у князя, благодаря чему это самые лучшие княжеские арендаторы. На этом я и покончу с их религией, надеясь впоследствии узнать ее получше.

Публикация 1937 г.

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

I

Последнее десятилетие XV в. и первые два десятилетия нового, XVI века ознаменовались величайшими географическими открытиями, сыгравшими совершенно исключительную роль в дальнейшем социально-экономическом развитии европейских стран. 12 октября 1492 г. Кристобаль Колон (Христофор Колумб) бросил якорь у берегов острова Сан-Доминго и тем положил начало исследованию и завоеванию стран Нового Света. Португальский адмирал Васко-де-Гама, в погоне все за тем же волнующим воображение западноевропейских купцов морским путем в Индию, обогнул южную оконечность необозримого “черного” континента (Африки) и установил с 20 мая 1498 г. непосредственные морские сношения Западной Европы с Индией, избавляя таким образом страны Западной Европы от тяжелого и дорогого посредничества арабов в торговле пряностями европейских купцов с Востоком.

Изменения торговых путей оказали колоссальное влияние на экономику всей Западной Европы: “. . . революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание северной Италии . . .” (*Маркс,* Капитал, т. I, ч. I, изд. 4-е, 1929 г., стр. 574, прим. 189.).

Установление прямого морского пути из Западной Европы в Индию нанесло страшный удар торговой мощи Венеции, базировавшейся на монопольной торговле пряностями, получавшимися из Индии и проходившими через руки арабских купцов, Египет и Сирию. С укреплением испанских хищников-конквистадоров на необъятных просторах Нового Света и с расцветом португальской грабительской торговли в Индии уже в первой четверти XVI в. большие массы ценных заморских товаров появляются на рынках Западной Европы, минуя посредничество богатейших венецианских купцов. Уже в первые годы XVI в., как отмечает венецианец Джироламо Приули в своем дневнике, паника и уныние царили на венецианской бирже: корабли с пряностями стали приходить из Египта все реже и реже, и венецианские цены на восточные пряности совершенно не могли конкурировать с ценами на те же товары, установившимися в Лиссабоне. Старой левантийской торговле, так долго служившей источником обогащения венецианского купеческого патрициата, наступил конец. “Теперь-то уж можно оценить и признать, какой великий вред нанесли португальские каравеллы, — восклицает Приули в своем **[8]** дневнике. — Они забрали все пряности в Индии, которые не привозятся поэтому в Сирию.

И с каждым днем все будет хуже и хуже, если эти каравеллы будут повторять это путешествие и будут собирать все пряности и ничего не будет привозиться в Сирию” (Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время, М.-Л, 1929 г, ГИЗ, стр. 44.).

Стали быстро расти новые центры торговли. Не столько порты Испании и Португалии сделались средоточием этой зарождающейся заокеанской торговли, сколько города северо-западной Европы, лежащие около устья Рейна, — Антверпен, Амстердам, Брюгге я др. Здесь на базе уже мощно развитого ремесла и торговли начинают складываться новые формы торговли. В 1531 г. возникает в Антверпене биржа, где купцы и их агенты начинают вести торговлю, только показывая образцы тех товаров, которыми они торгуют. Старая средневековая ремесленного характера торговля начинает уступать новым ее формам, характерным для эпохи первоначального накопления. “... Великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический” (*Маркс,* Капитал, т. III, ч. I, гл. 20, стр. 317.). Открытие больших залежей серебра в Новом Свете стало наводнять Европу большим количеством благородных металлов: в 1521-1540 гг. доля американского серебра по отношению ко всему серебру, добытому в Западной Европе, была 13300 *кг* (17,9%), в 1545-1560 гг. 199000 *кг* (75,5%), в 1581-1600 гг. 305000 кг (88,1%).

Все эти явления привели к так называемой “революции цен”, которая, с одной стороны, очень больно ударила по всем трудовым слоям населения и, с другой — содействовала страшному обогащению купеческих и феодальных верхов, с зверской жестокостью эксплуатировавших феодального крестьянина и ремесленника. Самое типичное явление всей эпохи первоначального накопления — экспроприация крестьянства, “когда Значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев” (*Маркс,* Капитал, т. I, 4-е изд. 1929 г., стр. 574.). Экспроприация земли у сельского населения совершилась в классической форме в Англии, что и обусловило предпосылки для более быстрого роста капиталистических отношений в этой стране в дальнейшем. В своем экономическом развитии Англия к средине XVI в. не только стала догонять другие страны Западной Европы, но и значительно опережать даже такие страны, как Португалии и Испания, которые в итоге колониальных грабежей эпохи первоначального накопления превратились в огромные колониальные империи, на территории которых никогда не заходило солнце, как кичливо хвастались паразиты-феодалы, испанские гранды и португальские “cavolheiros”.

В Англии развитие овцеводства привело к быстрому росту товарных отношений внутри страны и к сильному расширению внешнеторговых связей.

Уже в последние годы XV в. в Англии имели место попытки организовать экспедиции с целью открытия и исследования новых земель. Особенно большую активность в организации таких экспедиций в Англии проявили бристольские купцы. Еще в 1480 г. крупный **[9]** бристольский купец, местный шериф Джоя Джэй (Jay), был инициатором

целой экспедиции для отыскания острова Бразилии; но два корабля по 80 *т* вместимостью каждый, снаряженные смелым бристольским шерифом, постигла катастрофа. Выйдя 15 июля 1480 г. из Бристоля, Джон Джэй уже в сентябре был вынужден вернуться обратно, так как его корабли были пригнаны назад бурей. Венецианский моряк Джон Кабота на средства бристольских купцов отплывает из Бристоля в 1494 г. в составе целой экспедиции, которой удалось 24 июня 1494 г. в 5 часов утра достичь берегов Северной Америки. Карта Парижской национальной библиотеки, приписываемая Себастиану Каботе, называет эту землю Prima Vista (“первая увиденная”), а ближайший, примыкающий к ней, остров — островом святого Иоанна. В 1496 г. Кабота отправился уже в новое путешествие на корабле “Матвей”, снаряженном на его собственные средства, предварительно получив от короля Генриха VII грамоту на монопольную торговлю с землями, которые им будут открыты. После трехмесячного путешествия, во время которого ему, очевидно, удалось достигнуть берегов Северной Америки, Джон Кабота возвратился в Англию, где он сделался в итоге этого путешествия необычайно популярным. Современник — венецианский писатель Л. Паскуалиго — так рассказывает о нем. “Ему (Д. Кабота) оказывают большие почести: он одевается в шелк, и эти англичане бегают за ним, как помешанные, так что он может навербовать их столько, сколько ему вздумается”.

В 1498 г. сын Джона Кабота Себастиан отправился во главе новой экспедиции в составе пяти кораблей и открыл остров Нью-Фаундлэнд; ему даже впоследствии казалось, что он нашел путь через северо-западный проход, который через Север соединил бы Англию с заманчивыми для купеческого воображения Молуккскими островами и другими странами Востока; особенно чувствуется настойчиво проявлявшаяся инициатива английского крупного купечества (*У. Кеннингэм,* Рост английской промышленности и торговли, М. 1904 г., стр. 430-432.).

Если в XIV и XV вв. Англия главным образом вывозила во Фландрию шерсть для удовлетворения спроса со стороны местной суконной промышленности, которая не могла уже работать только на местном сырье, то уже с начала XVI в. организация английских купцов-суконщиков, так называемая “merchant adventurers”, окончательно оформляется в особую компанию с монопольными правами. Компания “merchant adventurers” уже в 1505 г. получила от Генриха VII Тюдора хартию, сильно содействовавшую, превращению этой организации английских купцов-суконщиков в компанию с широкими монопольными правами. Последняя уже переходит от вывоза шерсти в Нидерланды к вывозу английского сукна, и вскоре почти весь экспорт английских товаров сосредоточивается в руках этой компании на обширном пространстве побережья Северного моря от реки Соммы во Франции до Дании. В 1564-1565 гг. размеры английского экспорта выражались в сумме 1 097 035 ф. ст., из которой на сукно падало 896 079 ф. ст. Английские “купцы-предприниматели” наносят окончательный разгром ганзейской торговле в Северном море и начинают завязывать торговые сношения с другими странами. Известный рост английской экономики к этому времени не мог не вызвать в Англии к жизни самых разнообразных конкистадорских планов в духе эпохи **[10]** первоначального накопления. Крайне ограниченный запас географических сведений у людей того времени тем более содействовал созданию самых смелых по своим задачам и даже фантастических по своей неразрешимости для того времени географических экспедиций.

Не имея еще сил открыто потягаться с военно-морской мощью Испании в середине XVI в., англичане пока ограничивались дерзкими пиратскими нападениями на бесконечно длинное побережье испанских владений, грабили возвращавшиеся домой с грузом серебра испанские галеоны. В этих пиратских операциях принимали живейшее участие моряки английского "королевского" флота и очень многие из "благородных" представителей английской земельной аристократии, даже и сама королева Елизавета имела "паи" в этих чрезвычайно доходных "предприятиях". Такие люди, как Ультер Рэли ("the great Raleigh"), Фрэнсис Дрэк, Мартин Фробишер и другие менее известные английские моряки XVI в., были яркими представителями типа английских конквистадоров, которые представляли собой поочередно то самых откровенных морских разбойников, то адмиралов королевского флота, то смелых мореплавателей и энергичнейших агентов английской купеческой верхушки по изысканию новых торговых путей и неведомых стран, могущих сулить сказочное обогащение. Для людей этого склада очень типичен девиз У. Рэли — "tam Marti quam Mercurio" (в одинаковой степени преданного богу войны Марсу и покровителю торговли Меркурию), который без всякого преувеличения мог бы быть назван девизом правящих классов "доброй старой Англии".

После путешествия Гаукинса в 1530 г. англичане начинают делать попытку утвердиться в Гвинее и в Бразилии: саутгемптонские купцы начинают развертывать в этих местах свою торговлю. В 1536 г. некий Гор из Лондона, "человек. . . большой отваги и преданный изучению космографии", организует экспедицию, которая в итоге привела к основанию английской колонии на Нью-Фаундлэнде и к открытию знаменитых местных рыбных ловель. Придя в разочарование после этой цепи Экспедиций, стремившихся открыть во что бы то ни стало северо-западный проход в сказочные страны Восточной Индии и Китая, английские мореплаватели начинают обращать свои взоры на северо-восток. Идея возможности установления морского пути из Западной Европы в Китай и Индию и через северо-восточной проход возникла впервые в Англии в средине XVI в., когда на нее обратил внимание английского купечества Себастиан Кабота около 1553 г. Эта мысль стала оформляться еще ранее в ряде стран и у путешественников, попадавших в Московское государство с начала XVI в.

Так, еще Павел Иовий в 1525 г., со слов члена русского посольства Дмитрия Герасимова, говорит о возможности установления водного пути через Московское царство и Каспийское море в Иран и Индию. В 1527 г. возникает целый проект через отыскание северо-восточного прохода установить морской путь в Китай и Индию. Почти одновременно с организацией английской экспедиции Хью Уиллоуби возникает аналогичный проект у шведского короля Густава Вазы (1523-1560 гг.), который хотел поставить во главе целой экспедиции довольно известного в то время гуманиста — французского писателя Юбера Лангэ. Хотя этот проект шведского короля и не вышел за пределы предварительных переговоров об **[11]** организации экспедиция, но самый факт возникновения такого проекта чрезвычайно симптоматичен для всей Западной Европы эпохи первоначального накопления: усиливающийся рост товаризации сельского хозяйства, возникновение мануфактуры, рост городов и расширение внешнеторговых связей — все это не могло не толкать к попыткам нахождения морских путей, связывающих каждый из городов Западной Европы с далекими странами юга и юго-востока Азии, о богатствах которых ходили в Западной Европе XVI в. самые

фантастически-преувеличенные рассказы, разжигавшие алчные аппетиты английских, французских, итальянских и шведских купцов, испытывавших глубочайшую зависть к пресловутым “героям” испанской и португальской конкисты — Кортесу, Писсаро, Альбукерку, Альмейде и другим типичным представителям грабительских колониальных “подвигов” эпохи первоначального накопления.

II.

Таким образом в средине XVI в. английские купцы особенно настойчиво начинают искать новых рынков для расширения своей торговли Возникает идея по инициативе Себастиана Каботы, окончательно к этому времени (1548 г.) осевшего в Англии, организовать специальное общество “общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых”. Ряд лондонских купцов во главе с лорд-мэром Лондона Джорджем Барнсом и одним из шерифов (aldermen,) Уилльямом Гарретом (Гаррард) при ближайшем участии Томаса Грешема, основавшего впоследствии (в 1566 г.) первую Лондонскую биржу, собрали капитал в 6 тыс. ф. ст., сложившийся из паев по 25 ф. ст. Ни эту сумму было снаряжено 3 корабля: “Добрая Надежда”, “Благое Упование” и “Эдуард — Благое Предприятие”; последний в 160 *т* вместимостью и с экипажем в 28 человек. Во главе всей экспедиции был поставлен сэр Хью Уиллоуби, в главные кормчие был выбран Ричард Ченслор, опытный моряк и знаток механики и астрономии (См. текст, стр. 48.). Английским морякам предстояло путешествие в далекий и незнакомый морской путь: до экспедиции Уиллоуби ни один английский корабль не огибал Норвегии и едва ли мог попасть восточнее Вардехуса. Только наши русские моряки, заинтересованные в установлении морских сношений с Норвегией через Белое море и Мурманский берег, огибали на небольших ладьях северные берега Скандинавии и хорошо знали Нордкап, называвшийся ими Мурманским Носом. Эти сведения о северном морском пути, которые были почерпнуты С. Герберштейном из показаний Григория Истомы, Василия Власьева и Дмитрия Герасимова, были им так сильно искажены, что совершенно не могли служить для ориентировки английским морякам во время их экспедиции в поисках северо-восточного прохода. 11 мая 1553 г. с рейда у Детфорда снялась с якоря экспедиция Хью Уиллоуби и после небольшой остановки у Гринича отправилась в свое плавание, мечтая через обнаружение северо-восточного прохода установить правильные торговые сношения с Китаем и Восточной Индией. Этими мечтами буквально пронизаны все параграфы той инструкции “для управления предположенным путешествием в Китай”, которая была составлена Себастианом Каботой и была вручена **[12]** Хью Уиллоуби. “... Вы не можете не знать, — говорятся в § 32 этой инструкции, обращенной ко всем участникам экспедиции, — сколь много лиц, в том числе его королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые горят желанием узнать ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие, и в какой степени вы имеете надежду успешно осуществить это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, какую Восточная и Западная Индии принесли императору и королям Португалии” (См. текст, стр. 36.).

Крупные лондонские купцы, ставшие во главе компании, очевидно, очень боялись каких-либо попыток параллельной торговли за свой страх со стороны мелких купцов, участвовавших в экспедициях: “Каждый из мелких купцов должен предъявлять свои расчеты купеческому старшине по первому требованию, — сурово гласит § 20 инструкции. — Без согласия указанных выше лиц мелкие купцы не имеют права производить какой-либо обмен” (См. текст, стр. 33.).

Во всей этой инструкции купцы-монополисты угрожали всем своим соотечественникам, которые попытаются отнять хотя бы часть награбленных ими торговых барышей.

Во главе экспедиции, по существу, стоял не столько сам Хью Уиллоуби, сколько целый совет из 12 человек под его непосредственным председательством. Сюда входили два купца — Джордж Бэртон Кейн и Томас Лэнгли, дворянин Джэмс Дэйлэбир, англиканский пастор, 3 штурмана с 3 своими помощниками. Из “достоверной записки”, найденной на “Доброй Надежде”, видно, что из общего количества всех 116 человек участников экспедиции 11 были помечены, как “купцы”, очевидно, никаких прямых обязанностей по морской службе не имевшие. Среди матросов этих кораблей были такие люди, которые в истории дальнейших путешествий англичан к северным берегам Московского государства сыграли известную роль. Среди таких в особенности надо отметить Артура Пэта и Уилльяма Бэрроу.

Началось длительное и тяжелое путешествие, закончившееся трагической гибелью двух кораблей экспедиции. Еще 2 августа вся эскадра шла вместе с Вардехуса, в гавань которого ей не удалось войти из-за сильного ветра. Вскоре буря разбросала по морю утлые парусные суда XVI в., которые потеряли из вида друг друга. Главный кормчий экспедиции Ричард Ченслор на своем корабле “Эдуард — Благое Предприятие” сумел войти в Вардехус, как гавань, назначенную Уиллоуби местом встречи кораблей. Простояв целую неделю в Вардехусе, Ричард Ченслор так и не дождался остальных своих спутников по экспедиции и решил отправиться дальше один по намеченному для экспедиции маршруту. 24 августа 1553 г. он приплыл в устье Северной Двины к монастырю “святого Николая”. “Того же лета, — повествует Двинская летопись, — августа в 24-й день, прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судех от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним — гости” (Двинская летопись, изд. Титова, стр. 10). **[13]**

В то время как Ченслор с 23 ноября двинулся в путь на Москву, где он, выдавши себя за посла короля Эдуарда, был торжественно принят Грозным, который “королевенного посла Рыцарта и гостей английский земли пожаловал, в свое государство российское с торгом из-за меря на кораблех им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно” (Двинская летопись, изд. Титовым, стр. 11), остальные два корабля из экспедиции Х. Уиллоуби, начиная со 2 августа и вплоть до 18 сентября, блуждали в южной части Баренцева моря, когда, уже будучи затерты льдами около “Святого Носа”, вынуждены были стать на якорь у гавани при устье Арзины реки. Английские моряки, не имевшие понятия о всех тягостях экспедиции в суровых условиях Арктики, были совершенно не готовы к тому, чтобы перенести трудные условия полярной зимовки. Не имея соответствующего снаряжения и необходимых для полярной зимовки запасов

продовольствия, англичане были обречены на верную гибель. Х. Уиллоуби, имевший не малый боевой опыт, не растерялся и в этой трудной обстановке и проявил достаточную энергию в борьбе с условиями, сложившимися неудачно для первой английской экспедиции, поставившей себе целью открытие северо-восточного прохода. Последняя запись дневника, который вел сам Х. Уиллоуби, чрезвычайно в этом отношении показательна. “Пробыв в этой гавани с неделю, — пишет Х. Уиллоуби, — и видя, что время года позднее и что погода установилась плохая — с морозами, снегом и градом, как будто бы дело было в середине зимы, мы решили тут зимовать. Поэтому мы послали троих человек на ю.-ю.-запад посмотреть, не найдут ли они людей; они проходили три дня, но людей не нашли; после этого мы послали еще четырех человек на запад, но и они вернулись, не найдя никаких людей. Тогда мы послали троих человек в юго-восточном направлении, которые таким же порядком вернулись, не найдя ни людей, ни какого бы то ни было жилища” (См. текст, стр. 46.). Как видно из завещания, найденного на корабле, Х. Уиллоуби и большая часть его спутников были еще живы в январе 1554 г. Лишь на следующую зиму корелы обнаружили на Мурманском море два корабля — “стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы и товаров на них много” (Двинская летопись, изд. Титовым.).

Итак, как будто бы с точки зрения интересов лондонских купцов, снарядивших дорогую экспедицию, последняя потерпела полную неудачу и все затраченные на нее средства погибли безвозвратно.

Попав вместо далекого Камбалика (Пекина), манившего к себе жадного до торговых барышей английского купца, в самое сердце Московской Руси XVI в., Ченслор оказался на высоте всех тех требований, которые ставила перед составом экспедиции инструкция лондонских “купцов-предпринимателей”. Опытный моряк показал себя не менее опытным, пронырливым купцом-разведчиком, быстро сумевшим оглядеться вокруг себя и собрать все те сведения, которые могли более всего заинтересовать его лондонских хозяев. В форме живого рассказа-письма, адресованного своему дяде К. Фрозсингэму, Ченслор сумел дать в сильных и образных фразах все те наиболее характерные черты экономики, общественно-политического строя, быта и религии Московии, которые заинтересовали его как купца. Он сразу схватил то, что было для **[14]** него новым характерным явлением в экономике Московской феодальной Руси XVI в.: рост связей с рынком и довольно сильное для того времени развитие внутренней торговли ярко выступают в его кратком, но очень насыщенном фактами описании Московии. Очень живо интересует Ченслора, кто из западных купцов уже проник в Московское государство XVI в. и какое сумел занять положение во внешней торговле Москвы с Западом. Давая характеристику Новгорода и Пскова как поставщиков ряда товаров (льна, конопли, воска, меда и кож), Ченслор тут же указывает на наличие в Новгороде досадливых для англичан конкурентов: “У голландских купцов есть там свои склады”, — замечает он.

В марте 1554 г. Ченслор и сопровождавшие его лица отправились из Москвы в обратный путь в Англию, проделав морскую часть пути на “Эдуарде — Благом Предприятии”, увозя с собой грамоту Ивана IV на право свободной торговли с Московским государством. Намереваясь начать большую войну с Ливонией за часть побережья Балтийского моря, Иван IV был очень заинтересован в установлении постоянных торговых сношений с

одним из крупных государств Западной Европы, откуда он мог бы получать не только нужные ему для организации большой военной борьбы предметы вооружения и хороших мастеров, в которых так нуждалось Московское государство XVI в., но и в котором он в случае нужды мог бы найти политического союзника в своей борьбе за Ливонию. Во время обратного путешествия в Англию Ченслор попал в руки голландцев, которые дочиста ограбили весь корабль, после чего английские моряки с трудом добрались до Лондона.

Информация Ченслора о вновь открытых возможностях для английской торговли настолько была убедительна, что общество “купцов-предпринимателей” поскорее постаралось получить особую хартию от королевы Марии на исключительное право торговли с Московским государством. Хартия 6 февраля 1555 г. положила начало образованию “Московской компании” (“Moscovy company”), сыгравшей такую исключительную роль в англо-русских отношениях второй половины XVI и XVII вв. Капитал этой компании был определен в 6 тыс. ф. ст. и составлялся из акций по 25 ф. ст., размещенных в 1555 г. между 207 акционерами. Во главе компании находилось правление, состоявшее из 1 или 2 губернаторов, 4 консулов и 24 ассистентов губернатора и консулов. Все эти должностные липа компании избираются сроком на один год, за исключением Себастиана Каботы, который был выбран первым губернатором общества пожизненно, после же его смерти губернаторов обычно бывало по два. По большей части должностные лица компании переизбирались и занимали свои должности по несколько лет подряд. Так, известный Уильямс Гаррард занимал должность губернатора в продолжение 10 лет (1561-1571 гг.). Правление общества обладало большими правами: отмеряло старые правила, выпускало новые, следило за их выполнением, принимало новых членов общества, налагало наказания на провинившихся. Проводили в жизнь решения и постановления общества особые сержанты (sergeants). Кроме заседаний правления или совета общества существовали еще годичные собрания членов, где голосовали обычным поднятием рук. Годичные собрания обычно приурочивались к началу весны или лета, когда уже развертывались торговые дела компании с Московским государством. Из списка членов “Moscovy company”, относящегося **[15]** к маю 1555 г., можно составить себе известное представление о социальном составе этого акционерного общества. Кроме одного “earl’a”, список членов компании возглавляют 6 лордов, 22 человека с титулом “knight”, (из них 5 ольдерменов), 13 “esquires”, 8 ольдерменов и 8 “gentlemen”, остальные члены компании состояли из представителей верхушечных и средних слоев английского купечества. Из этого одного уже можно судить, насколько сильное влияние могли оказывать на дела компании представители английского высшего дворянства, тесно связанного с двором королевы (*И. Любименко,* История торговых сношений России с Англией, Юрьев 1912 г., гл. I и II.).

Члены правления компании сами непосредственно торговлей в Московии не руководили, а назначали для этой цели особых лиц, носивших название агентов (agents). Полномочия агентов за удаленностью места их деятельности на деле были очень широки — обычно бывало 2 или 3 агента, один из которых являлся главным. Он носил название “губернатора” (governor), точнее “правитель”, или “управляющий”. В обязанность агентов входило управлять в Московском государстве всеми делами компании: агентам же были подчинены и слуги компании, делившиеся на более привилегированную часть —

стипендиатов — и остальную массу — подмастерьев, положение которых очень напоминает быт подмастерьев старых средневековых гильдий. Над подмастерьями агенты обладали всей полнотой своей власти, вплоть до наложения самых различных наказаний, стипендиатов же они должны были отправлять для наложения взысканий в Англию. Такова в самых кратких чертах была организация "Moscovy company", жадно стремившейся к захвату в свои руки всей торговли Англии с Московским государством во второй половине XVI в. (Studies in the History of English Commerce in the Tudor period. A. J. Gerson, The organization and Early History of the Moscovy company. New York 1912, pp. 116 — 120.).

III.

"Открыв" дорогу в Московию, лондонские заправилы "Moscovy company" стараются, с одной стороны, как можно скорее укрепиться на московском рынке и поискать новых многообещающих сухопутных путей, а с другой стороны, не бросают и мысли о возможности открытия северо-восточного прохода. Вот почему мы видим, как в одно и то же время часть английских моряков настойчиво продолжает свои поиски в области изыскания путей на русском севере и в своем обследовании заходит далеко за о. Вайгач, а Стифен Бэрроу делает интересные открытия в направлении р. Оби.

Не успел еще А. Дженкинсон прибыть со своей небольшой флотилией к берегам Белого моря, как уже двое англичан — Томас Соутэм и Джон Спарк — в 1556 г. тщательно обследуют возможность для провоза товаров пользоваться путем, ведущим от Онежской губы до Сумского посада и от Сумского посада до Новгорода через Онежское и Ладожское озера, т. е. приблизительно в направлении нынешнего Беломорско-Балтийского канала (См. текст, стр. 81-88.). Суховатый, деловитый отчет этих двух английских торговых разведчиков показывает, с каким вниманием относились **[16]** англичане ко всякой возможности установить торговые пути и связи между Белым и Балтийским морями, которые для их кораблей были сравнительно так мало доступны в это время, в особенности в связи со сложной борьбой за Балтику, разгоревшейся между Данией, Швецией, Польшей, Ливонией и Московией. Соутэм и Спарк внимательно обследуют складочные возможности в промежуточных пунктах на том пути, по которому они мечтают перебрасывать товары из Новгорода к стоянке английских кораблей в Онежском устье. Они указывают, например, что "в Повенце можно нанять немало складочных помещений: если бы товаров было столько, сколько могут увезти девять кораблей, то и на это складов хватило бы". Соутэм и Спарк кропотливо вычислили, во сколько может обойтись перевозка товаров с пуда на всем протяжении исследованного ими пути. Оказалось, что перевозка пуда товара от Новгорода до Сумского посада может стоить 8-9 пенсов, а от Сумского посада до рейда у Св. Николая "не более, как по 3 пенса с пуда. Таким образом... перевозка товаров будет стоить 2 алтына с пуда или по 23 алтына с бочки" (См. текст, стр. 87, 88.). Но розовые надежды на большие торговые барыши и сбыт больших партий товара иногда терпели фиаско: целая партия товара, захваченная Соутэмом и Спарком из Холмогор, не могла быть продана: "очень уж бедно повсюду население страны", добавляют угрюмо авторы этого отчета, давая тем самым еще лишний штрих для характеристики экономики Московской феодальной Руси XVI в.

Одной из наиболее ярких страниц в истории изучения нашего Севера иностранными мореплавателями в XVI в. являлись, безусловно, записи Уилльяма и Стифена Бэрроу, впервые попавших в Баренцево море на "Эдуарде — Благом Предприятии". Старший штурман Стифен и скромный рядовой матрос Уилльям внесли солидный вклад в ознакомление Западной Европы с нашим Севером. В итоге многочисленных путешествий 1553-1588 гг. Уилльям Бэрроу составил крайне интересную карту побережья Баренцева моря, которую Гаклюйт в заглавии посвятительной записки к этой карте, представленной Елизавете, называет "точной и замечательной". Не меньший интерес представляют его "показания", касающиеся Нарвы, Кигора и других местностей.

В истории попыток открытия северо-восточного прохода до путешествия Баренца, безусловно, первое место среди западноевропейских мореплавателей принадлежит Стифену Бэрроу. Его плавание в 1556 г. в Баренцевом море на небольшом судне-пинассе "Серчсрифт" не может не вызвать огромного интереса у каждого, кто занимается вопросами истории географических исследований. Стифен Бэрроу сумел на своем маленьком, даже по масштабам XVI в., судне проделать очень большой путь от Лондона вдоль норвежских берегов к берегам Новой Земли вплоть до широты 70° 42', почти к ней приблизившись около острова Междушарского на широте 70° 20'; отсюда Бэрроу направился к острову Вайгачу, обследовал его северные берега, увидел своими глазами необозримую панораму сплошного льда на Карском море и, повернув назад, огибая с юго-востока остров Колгуев, направился в Чешскую губу, оттуда, минуя Канин Нос, пришел на зимовку в Двинское устье. "Купцы-предприниматели" придавали, очевидно, большое значение экспедиции С. Бэрроу, **[17]** о чем свидетельствует описание проводов, устроенных Бэрроу Себастианом Каботой (См. текст, стр. 97.).

Насколько хорошо Баренцево море было известно русским поморам, даже в восточной своей части, еще в XVI в., показывает одно интересное место из описания путешествия С. Бэрроу. Идя на юг от Междушарского острова, английский мореплаватель встретил целую экспедицию из 4 больших лодок русских поморов, ладьи которых были отнесены ветром от Капица Носа к Новой Земле. Сам С. Бэрроу должен был признать, что русские моряки дали ему целый ряд ценных указаний относительно пути к Оби, которой интересовался английский мореплаватель: англичане за эти ценные сведения "подарили" русским морякам стальное зеркало, 2 оловянных ложки и пару ножей в бархатных ножнах, получив "в подарок" от русских 17 диких гусей. Подарки были типичнейшей меновой торговлей в духе эпохи первоначального накопления. Так же интересны у С. Бэрроу данные о ценах, по которым русские "промышленники" продавали свои товары: клык моржа оценивался в рубль, шкура белого медведя — в 2-3 рубля.

При изучении истории ненцев никак нельзя обойти молчанием те данные, которые сообщает о них С. Бэрроу (См. текст, стр. 119.).

Заслуживают известного интереса в заметках шкипера Ричарда Джонсона сведения о религии ненцев. В описании путешествия Стифена Бэрроу в 1557 г. из Холмогор в Вардехус, которое им было предпринято в целях поисков английских судов "Благой Надежды", "Благого Упования" и "Филиппа и Марии", встречаются любопытные сведения о лопарях. "Они составляют общество или орду в 100 человек, — пишет он, —

не считая женщин и детей, и живут неподалеку на реке Иеконге (впадающей в Святоносскую Губу). Они сказали мне, что ходили искать еды по скалам, добавив, что если они ее не находят, то ничего и не едят". Эти рассказы английских моряков XVI в. впервые познакомили благодаря сборнику Р. Хаклюйта Западную Европу с народами Севера нашей родины, о которых на Западе до того имелись самые скудные и часто полуфантастические сведения из сочинений М. Меховского, С. Герберштейна и других иностранцев, писавших о Московском государстве. Описание этого путешествия любопытно еще и в том отношении, что оно дает очень ранние сведения о той нарастающей конкуренции со стороны голландцев, которая впоследствии нанесла такой сильный удар английской торговле с Московским государством (См. текст, стр. 123, 124.).

Интересные сведения о раннем развитии голландской торговли, хотя еще и не в очень больших размерах, значительно пополняют паши сведения о первых шагах русско-голландских отношений в XVI в., которые в имеющейся исторической литературе принято относить к несколько более позднему времени.

Во время пребывания посла Елизаветы к Грозному Т. Рэндольфа в Москве была составлена в 1С68 г. особая инструкция на имя Бэссейдайна, Удкока и Броуна, которых посол английской королевы вместе с агентом "Moscovy company" Т. Беннистером хотел направить в новую экспедицию на поиски северо-восточного прохода. Хотя экспедиция эта **[18]** и не состоялась, однако это несомненно показывает, что, несмотря на неудачи экспедиции Стифена Бзрроу в 1556 г., англичане и не думали отказываться от мысли отыскать северо-восточный проход в Китай.

Насколько, действительно, возможность открытия северо-восточного прохода будоражила умы английских купцов, лучше всего можно почувствовать, когда читаешь длинные и чрезвычайно обстоятельные наставления и инструкции, которые сопровождали подготовку новой экспедиции, отправленной "Moscovy company" на поиски северного морского пути в Китай в 1580 г. Шкиперам кораблей, отправлявшихся в новое далекое плавание — Артуру Пэту, плывшему на "Джордже", и Чарльзу Джэкмэну — на "Уилльяме", даны были инструкции не только от компании, но они были снабжены и целым рядом ценных практических указаний от Уилльяма Бэрроу, причем им особенно рекомендовалось пользоваться его картой. Подготовка к новой экспедиции на поиски северо-восточного прохода вызвала к себе огромный интерес не только в Англии: Гергардт Меркатор обратился с особым письмом к Р. Хаклюйту, в котором высказывал очень оптимистическую точку зрения на легкость плавания в северо-восточном направлении, считая этот путь наиболее коротким.

Для того же, чтобы понять, что собой представляла по своему характеру вся экспедиционная деятельность "Moscovy company", необходимо внимательно вчитаться в те "письменные замечания", которые даны были Ричардом Хаклюйтом Пэту и Джэкмэну. В этих подробных и охватывающих решительно все задачи экспедиции советах и указаниях, принадлежащих перу кабинетного собирателя географических сведений из среды английских клириков, чувствуется биение пульса экономической жизни Англии второй половины XVI в. В этих подробных указаниях есть такие любопытные разделы, как например: "каким образом можно устроить, чтобы дикари приобретали наши

материи”, — “следует собрать сведения о их морских и сухопутных силах”. Кроме длинного списка товаров, которые Хаклюйт рекомендовал везти с собой, он особенно советовал Пэту и Джэкмэну взять специальный ассортимент товаров для устройства выставки английских товаров во вновь открытых странах, прежде всего — в Китае. Из всех указаний Хаклюйта чувствуется, что он, отражая настроения английских купцов, только и думал о том, как бы найти сбыт ряду тех товаров, которыми стала богата Англия; в числе последних упоминаются маститым географом свинец, железо, железная и медная проволока и сера.

Путешествие Пэта и Джэкмэна, на которое возлагалось столько надежд “купцами-предпринимателями”, мечтавшими о скорейшем открытии северо-восточного прохода, также не принесло ничего нового в этом отношении, хотя и сыграло известную роль в обогащении Западной Европы новыми географическими сведениями. Пройдя за Вайгач, Пэт и Джэкмэн убедились лишний раз в невозможности на парусных судах XVI в. двигаться в Карском море, покрывшемся льдами уже в конце июля. Английским морякам пришлось повернуть назад, ограничившись, таким образом, только более обстоятельным обследованием Баренцева моря: обогнув о. Колгуев с юга, Пэт и Джэкмэн прошли вдоль мурманского и норвежского берегов обратно в Англию.

Попытка Пэта и Джэкмэна найти северо-восточный проход, который мог бы сделаться торной морской дорогой в Китай для английских **[19]** купцов, заканчивает собою всю серию английских путешествий, предпринимавшихся с этой целью в XVI в. Изучение истории этих неудачных попыток установления Великого северного морского пути представляет интерес не только для советского специалиста-историка и географа, но и для каждого гражданина нашей великой социалистической родины: то, что оказалось несбыточной мечтой для Англии XVI в. и всех последующих периодов в изучении Арктики, стало реальной возможностью в итоге планомерной борьбы за освоение Арктики, проводимой нашими героическими моряками-полярниками и летчиками под победоносным руководством партии и великого вождя народов СССР товарища Сталина, поднявших нашу чудесную страну до небывалого уровня развития техники и культурного роста.

Быстро добившись права на монопольную торговлю с Россией и получив привилегии от Ивана IV в 1555 г. и в 1569 г., компания “купцов-предпринимателей” этими успехами в развитии своей торговли не удовлетворяется. С развитием своих коммерческих операций Московская компания начала вводить в жизнь акционерный принцип в своей организации, торгуя на общий капитал своих членов, число которых с 207 в 1555 г. выросло до 400 к 1565 г. Раннее развитие формы организации московской компании типа “joint stock company”, значительно ранее возникновения акционерных компаний в других странах, делало организацию английских “купцов-предпринимателей” гораздо конкурентно-способней в ее борьбе за рынки и торговые пути по сравнению с ганзейскими и некоторыми другими купцами. Закрепив свои позиции на московском рынке, сулившие особенно благоприятные перспективы в связи с новыми возможностями для английской торговли на Балтике после захвата Иваном IV Нарвы в 1558 г., англичане пытаются использовать волжский путь, только что попавший в руки Московского

государства, для установления непосредственных торговых связей через Среднюю Азию и Иран с Индией.

Начинает организовываться ряд путешествий в этом направлении: на протяжении с 1558 по 1581 г. было снаряжено 7 путешествий на Восток: 1 — в Бухару и 6 — в Иран. Описание путешествия Антония Дженкинсона в Бухару в 1558-1560 гг., хорошо известное специалистам по изучению истории торговли Московского государства со Средней Азией и истории народов Средней азии, проникнуто большим разочарованием в возможности завязать усиленные торговые сношения с узбекскими государствами XVI в., вследствие напряженной борьбы за власть между различными группами феодалов (О торговых сношениях Москвы с Средней Азией в XVI-XVII вв. см. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Материалы по истории народов СССР, вып. 3. Акад. Наук СССР. Л. 1933.). Смелый путешественник и ловкий торговец А. Дженкинсон не упустил случая во время пребывания в Бухаре собирать сведения о путях, ведущих в Китай. Не только много в списании этого путешествия А. Дженкинсона фактов, пополняющих наши сведения по истории Средней азии в XVI в., но оно содержит также ценные наблюдения очевидца жутких приемов расправы русских феодалов-крепостников над населением новой колонии Московского государства — Астраханского ханства. “...Мертвые тела (татар и ногайцев, умерших от голода) кучами валялись по всему острову. . . многих из **[20]** оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова. — Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов” (См. текст, стр. 172.).

Начиная торговлю с Ираном, агенты Московской компании не очень обнадеживали себя перспективами продажи большого количества сукна и каразеи.

В своей инструкции А. Дженкинсону губернаторы, в том числе Гарард и Мерик, указывают на то, что они не решились дать ему товара больше чем 80 тюков с 400 кусками каразеи, прибавляя при этом: “Тем не менее, если нам посчастливится найти им хороший сбыт в Москве, то мы думаем, что хорошо было бы продать часть их там и взять с собой поменьше, ибо мы совсем не знаем, какой сбыт вы найдете в Персии или в других местах, куда вы поедете”. Успех для компании первого путешествия в Иран был несомненен: А. Дженкинсону удалось получить торговые привилегии от иранского шаха Тахмаспа и специальную привилегию от его Ширванского вассала Абдалла-хана. Привилегия последнего была особенно ценна для “купцов-предпринимателей” — “...чтобы вышесказанные английские купцы и их компании не платили никаких пошлин за товары, которые они будут покупать или продавать в наших владениях”.

Во время второго путешествия в Иран Томаса Олкока, Джорджа Ренна и Ричарда Чини в 1563-1564 гг. выяснилась на деле несколько менее благоприятная обстановка для расширения англо-иранской торговли, хотя Олкоку с товарами уже удалось добраться до самого Казвина, в Шемахе же главным потребителем английских товаров была местная феодальная знать. Возникшие недоразумения между шемахинским ханом и русскими купцами отразились неблагоприятно и на этой поездке служащих английской компании.

Тем не менее Ричард Чини, описавший это путешествие, указывает: “Такие путешествия следует продолжать. Гилянский король, с которым вы до сих пор не вели торговли, живет только товарами. Гилян лежит близко от Казвина и не более чем в шести неделях от Ормуза, куда привозят все пряности. Там (я подразумеваю в Гиляне) можно учредить торговлю” (См. текст, стр. 218.).

Во время третьего путешествия в Иран, проведенного в 1565-1567 гг. Ричардом Джонсоном, Александром Китчином и Артуром Эдуардсом, уже появились у служащих компании розовые перспективы захватить в свои руки вывоз шелка-сырца и шелковых тканей из Ирана, “Я, однако, не сомневаюсь, — пишет в своем письме правлению компании Эдуарде, — что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии. . . и скоро вырастем в большую торговлю шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами”. В следующем письме А. Эдуардса из Персии от 8 августа 1566 г. дается крайне интересное описание разговора этого английского агента с шахом Тахмаспом при получении от последнего грамот с торговыми привилегиями. “Шах спросил меня, будете ли вы в состоянии ежегодно доставлять ему по сто тысяч кусков каразеи и сукна. Я ответил, — пишет Эдуардс в своем **[21]** письме, — что вы можете снабдить его страну двумястами тысяч. Этому его высочество был очень рад, так как турецкий посол в прошлом году привел его, как мне передавали разные лица, в отчаяние, сказав, что великий турок (турецкий султан) не позволит провозить никакого сукна в его страну” (См. текст, стр. 228.).

Все это письмо Эдуардса особенно богато насыщено нужными для Московской компании сведениями: оказавшись ловким коммерческим агентом, А. Эдуарде собрал самые обстоятельные сведения о всей торговле в Иране, уделив исключительное внимание торговле конкурентов — венецианцев. Обычные представления о резком и быстром упадке венецианской торговли не совсем верны, если их относить ко всему XVI в. в целом. Совершенно бесспорно то, что венецианская торговля потерпела сильный урон после великих географических открытий; тем не менее морская купеческая республика еще продолжала господствовать в торговле на всем пространстве восточного Средиземноморья. Недавно опубликованные результаты исследования американских историков над архивными материалами Венеции показывают, что в средине и во второй половине XVI в. в Венеции усиливается строительство морских судов и весь венецианский торговый морской флот вырастает довольно значительно в своем тоннаже. Рост венецианского флота зависел, конечно, не от большого количества лесов в Истрии, как это склонны думать американские буржуазные ученые, а определялся всеми линиями развития венецианской торговли в это время (*Fred. Chapin Lane,* Venetian Shipping during the Commercial Revolution. The American Historical Review, vol. XXXVIII, № 2, 1933, pp. 219-237.). А. Эдуарде в своем донесении компании очень ярко характеризует этот размах венецианской торговли в Малой Азии и Иране через Алеппо и Диарбекир (См. текст, стр. 229-230, 241.).

Англичане в лице венецианцев столкнулись с очень серьезным конкурентом в Иране при первых своих поездках туда. Благоприятное отношение иранского шаха Тахмаспа к английским купцам, выразившееся в даровании им ряда торговых льгот, только и могло

создать некоторые благоприятные предпосылки для развития английской торговли в Иране. “Благосклонность” иранского шаха Тахмаспа к английским купцам вытекала целиком из соображений прямых экономических и политических интересов Сефевидов. В сильной степени экономическую основу политической силы иранского шаха определяла торговля шелком: первый иранский феодал-крепостник в итоге жесточайшей феодальной эксплуатации крестьян Ирана отнимал от последних большую часть возделывавшегося в их хозяйствах шелка-сырца и являлся, таким образом, главным поставщиком шелка и на иностранные рынки. Английские агенты не раз указывают в своих донесениях из Ирана, что главный и единственный товар, который имеет шах, — это шелк. В силу этого шах Тахмасп и был очень заинтересован в установлении прямых торговых сношений с Западной Европой, минуя территории враждебных себе турецких феодалов: отсюда тот интерес, который проявил Тахмасп к торговым путям, шедшим через Волгу и Северную Двину в Англию. Эти факты еще ярче подчеркивают чисто феодальную природу торговли в XVI в. и роль иностранного торгового капитала как агента крупных феодалов-крепостников. **[22]**

Во время четвертого путешествия в Иран А. Эдуардса в 1568-1569 гг. последний был принужден признать, что позиции венецианцев и других купцов на иранском рынке очень крепки и подорвать их для англичан будет стоить большого труда. Поэтому внимание английских агентов не ограничивается шелком-сырцом, и они принимаются за осуществление самой заветной своей мечты — установление торговли пряностями через Иран и Ормузд, чего им удалось добиться только в правление шаха Аббаса.

Наиболее удачным обещало быть пятое путешествие в Иран, проделанное агентами Московской компании Томасом Бэннистером и Джеффри Дэкетом в 1568-1574 гг. Англичане провели ряд удачных сделок, но на обратном пути в Каспийском море на них напали казаки и завладели всем кораблем. Хотя услужливый астраханский воевода и снарядил погоню за казаками, но удалось вернуть лишь часть товаров. И все же, не смотря на эти потери, англичанам удалось привезти в Лондон товаров на сумму от 30 до 40 тыс. ф. ст. В результате этого путешествия Д. Дэкет составил интересные “Заметки о состоянии Персии”.

Шестое путешествие в Иран в 1579-1581 гг. протекало в обстановке очень неблагоприятно сложившегося для англичан внешнеполитического положения Ирана. Оттоманская империя, чрезвычайно раздраженная захватом волжского торгового пути Иваном IV Грозным, организовала целый поход с помощью Крыма на Астрахань в 1569 г. После неудачи этого похода турки начали решительное наступление на Азербайджан и Дербент и завладели после смерти Тахмаспа всем Закавказьем, включая Каспийское побережье вплоть до Дербента. Это появление Турции на берегах Каспия и ослабление Ирана в период борьбы феодалов после смерти Тахмаспа не могло не нанести серьезного урона видам английских купцов на развитие их торговли не только в Закавказье, но и в Иране в целом, во всяком случае вплоть до начала XVII в., когда при шахе Аббасе опять начинается укрепление позиций английского купечества в Иране. В 1580 г. к Астрахани подошли вновь ногайцы и крымские татары. Все эти события не могли не сказываться отрицательным образом на английско-иранской торговле. Поэтому шестое путешествие

англичан ограничилось главным образом небольшими торговыми операциями на Кавказском побережье Каспийского моря.

Вся история английских путешествий в Иран представляет собой одну из ярких и интереснейших страниц из истории торговли эпохи первоначального накопления. Донесения агентов английской компании содержат ряд очень ценных штрихов и отдельных фактов, внимательное изучение которых несомненно обогатит наши представления по отдельным вопросам истории Московской феодальной Руси XVI в. и которые смогут представлять немалое значение наряду с публикациями документов Н. И. Веселовского по истории сношений Московского государства с Ираном в XVI-XVII вв. и “Материалами по истории Узбекской, Таджикской и Туркестанской ССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв.”.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Все рассказы о путешествиях англичан, собранные в настоящем издании, помещены в английских подлинниках в известном собрании Гаклэйта: “The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation”, впервые изданном в 1598-1600 гг.; перевод был сделан о предпоследнего издания 1902 г. и сверен с последним изданием 1927 г. Все описания путешествий и отдельные документы, помещенные у Гаклэйта и вошедшие *в* настоящее собрание, написаны на английском языке, за исключением письма Гергарда Меркатора по поводу путешествия Пэта и Джэкмэна, написанного на латинском языке. Оригинал рассказа Климента Адамса о путешествии Ченслора был написан также на латинском языке, у Гаклэйта же он приведен только в английском переводе XVI в. Предлагаемый в настоящем издании перевод части сочинения К. Адамса сделан с латинского текста, напечатанного в издании “Rerum moscoviticarum scriptores varii” под заглавием “Anglorum navigatio ad moscovitos auctore Clemente Adamo” (Francf. 1600, стр. 142-153).

В основу настоящего перевода английских текстов положены следующие принципы: переводчик добивался прежде всего возможной близости к оригиналу и возможной точности передачи мысли автора. Стремление передать текст как можно ближе заставляло переводчика иногда, может быть, отступать от соблюдения всех требований современного русского литературного языка; вместе с тем казалось, что при переводе было необходимо сохранить колорит старинного английского языка XVI в., сильно отличавшегося в оборотах речи и в отдельных выражениях от современного английского языка.

Именно это последнее стремление переводчика было одним из оснований, почему для предлагаемого издания были сделаны новые переводы рассказа самого Ченслора, дополнений к нему, взятых из сочинений Кл. Адамса и рассказов Дженкинсона о его путешествии из Англии в Москву, из Москвы в Бухару и из Москвы в Иран.

Язык русских переводов сочинения Кл. Адамса, появившихся в 20-х и 30-х годах XIX в. (В “Отечественных записках” за 1826 г., ч. XXVII, стр. 368, и ч. XXVIII, стр. 83 и 177, и в “Журнале Мин. Народн. Просвещения” за 1838 г., октябрь.), сильно устарел; этому, может

быть, способствовало то обстоятельство, что самый оригинал написан на тяжеловесном, вычурном и мертвом латинском языке XVI столетия. **[24]**

В сделанном в 80-х годах XIX в. профессором С. М. Середониным переводе рассказа Ченслора (*С. М. Середонин,* Известия англичан о России XVI в. (Чтения Общ-ва Ист. и Др. Росс 1884 г., и отдельно)) английский язык того времени заменен гладким русским изложением, в котором колорит старины вовсе не сохранен, что, по нашему мнению, умаляет достоинство перевода и недостаточно выявляет присущие некоторым страницам рассказа Ченслора яркость и красочность.

Еще с большим основанием можно утверждать это о середонинском переводе путешествий Дженкинсона. К сказанному надо добавить еще одно существенное обстоятельство, оправдывающее в наших глазах появление новых переводов Ченслора и Дженкинсона. В переводе рассказа Ченслора Середонин сделал несколько пропусков, правда, небольших, оставив, например, без перевода заключительные фразы с посвящением рассказа дяде, что отнимает у памятника его оригинальный и интимный характер. При переводе путешествия Дженкинсона в Иран Середонин оставил совсем без внимания чрезвычайно важную памятную записку или инструкцию, данную Дженкинсону компанией, без которой не все в его рассказе делается понятным. В рассказе о путешествии из Англии выпущено все, что относится к морскому плаванию до устья Двины, на том проблематичном основании, что эта часть рассказа будто бы утомительна и неинтересна; пропущены также и добавления о путях в Азию. Из рассказа о путешествии в Бухару по тем же сомнительным основаниям выпущен рассказ о плавании по Каспийскому морю от Астрахани до Мангышлака, хотя рассказ об обратном пути от Мангышлака до Астрахани сохранен в переводе.

В настоящем издании текст Ченслора и Дженкинсона переведен полностью и вместе с тем устранены, как нам кажется, и те отдельные неточности, которых довольно много в середонинском переводе.

Очень многие из личных имен и названий местностей норвежских, русских, среднеазиатских и кавказских передаются английскими авторами очень своеобразно и часто неправильно. В переводе, как правило, в тех случаях, когда удается точно определить по историческим и географическим источникам, дается название, принятое в русских памятниках. В сомнительных случаях переводчик считал себя обязанным давать просто транскрипцию имен и названий, как они передаются в английских оригиналах, относя толкование этих названий в примечания.

Английские имена и названия переданы возможно ближе к современному английскому произношению. Во всех случаях для поверки и возможной поправки при первом упоминании названия или имени приводится в скобках английская транскрипция.

В настоящем сборнике помещены только путешествия и те отдельные документы, которые имеют прямое и непосредственное отношение к путешествиям. Совершенно устранены документы, относящиеся к общим дипломатическим сношениям между

Россией и Англией, и документы, касающиеся чисто торговой деятельности английской компании в России (О публикациях этих документов см. ниже список литературы.).

При размещении памятников на первом месте поставлены документы, относящиеся к неудачной экспедиции Уиллоуби, которые в основном не были переведены до сих пор на русский язык. Последним по времени **[25]** в ряду печатаемых в переводе памятников стоит рассказ о путешествии англичан на Кавказ в 1580 г. Этим путешествием заканчиваются на некоторое время упорные попытки англичан развить торговлю с Ираном. Сношения с Московским государством также несколько меняют свой характер после смерти Ивана Грозного в 1584 г. Время с 1553 г. до начала 1580-х годов составляет таким образом определенную и как бы законченную эпоху в истории сношений Англии и России и, в частности, в истории путешествий англичан по Московскому государству и далее на Кавказ и в Иран. Эта до некоторой степени законченная эпоха соответствовала более или менее тому объему издания, который был в распоряжении переводчика.

Передвижения англичан по территории Ирана ограничились дорогой через Ардебиль в Казвин, эпизодическими поездками в Тавриз и одной поездкой в Кашан. Все остальные путешествия относятся к территории, входящей в настоящее время в состав Советского Союза; да и так называемые путешествия в Иран имели целью прежде всего Азербайджан. Рассказы о путешествиях некоторых из англичан в Казвин и другие города современного Ирана не были исключены из перевода во избежание нарушения цельности памятников, а также потому, что их место в составе всего издания невелико.

Публикуемые в настоящем издании путешествия англичан дают в первый раз полное объединение в одном издании путешествий, свидетельствующих об упорных попытках англичан освоить в XVI столетии северный морской путь и проложить сухопутную дорогу в направлении Индии; они принесут также свою долю пользы при изучении истории народов и территорий, составляющих теперь неразрывные части СССР.

1553-1554

1. Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания. Написано на латинском языке Климентом Адамсом.

Когда наши купцы заметили, что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах вокруг нас и близ нас и что эти товары, которые иностранцы когда-то на памяти наших предков настойчиво разыскивали и желали иметь, теперь находятся в пренебрежении и цены на них упали, хотя мы их сами отвозим к воротам своих покупателей, а между тем иностранные товары дают большую прибыль и цены на них сильно поднимаются, некоторые почтенные граждане Лондона, люди большой мудрости и заботящиеся о благе своей родины, начали раздумывать между собой, как бы помочь этому тяжелому положению. Им казалось, что средство удовлетворить их желание и изжить все неудобства имеется налицо, ибо, видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев, вследствие открытий новых стран и поисков новых торговых рынков, они предположили, что могут добиться того же самого, и задумали совершенно

новое и необыкновенное морское путешествие. А так как в то самое время случилось, что в Лондоне находился некто Себастьян Кабота, муж в те времена знаменитый, то они начали с того, что прилежно советовались с ним и, после многих переговоров и совещаний, было в конце концов принято решение, что будут приготовлены и снаряжены три корабля для исследований и открытий в северных частях света, чтоб найти нашим людям путь и проход для путешествий в новые неизвестные государства.

Требовалось предусмотреть очень многое в этом тяжелом и трудном деле; поэтому они прежде всего избрали некоторых почтенных и мудрых людей и составили нечто вроде сената или общества, чтобы совместно обсудить, дать свои заключения и озаботиться заготовлением необходимых и полезных вещей на всякий случай. Общество сочло полезным, **[48]** чтобы публичным порядком была собрана некоторая сумма денег на снаряжение стольких кораблей. Чтобы не обременять каждое отдельное лицо слишком большими издержками, было решено, что каждый, кто желает быть членом общества, уплачивает долю в 25 фунтов; благодаря этому в короткое время была собрана сумма в шесть тысяч фунтов; были куплены три корабля, которые в значительной мере были вновь перестроены и отделаны. Я не знаю, чему в этом деле отдать предпочтение — заботливости ли купцов или прилежанию кораблестроителей: купцы доставали крепкий, хорошо выдержанный строевой лес; кораблестроители же, работая изо дня в день с величайшим искусством, приготовили корабли к отправке. Они проконопатили и осмолили их и, благодаря искусному изобретению, сообщили им крепость и стойкость. Они узнали, что в некоторых местах в океане водятся черви, которые проникают в самый крепкий дуб и проедают его и, чтобы предохранить моряков и остальных участников путешествия от такой опасности, они покрыли часть киля тонким свинцовым листом. После того как корабли были отстроены и снабжены оружием и артиллерией, последовала новая забота, не менее настоятельная и трудная, чем первая, а именно — забота о съестных припасах, которые надо было иметь в количестве, соответствующем сроку и длине путешествия. Они заранее решили плыть в восточную часть света, но так как море в том направлении было закрыто и туда можно проникнуть только северным путем, а с другой стороны, было неясно, есть ли в той стороне проход или нет, они решили снабдить корабли запасами на 18 месяцев по такому расчету: мудро предвидя, что нашим людям придется плыть по ужасно холодным странам, они положили, что следует иметь припасов на шесть месяцев, чтобы доехать до места, столько же, чтобы оставаться на месте, если крайние зимние холода помешают их возвращению, и столько же на время обратного плавания.

Когда провиант был заготовлен и свезен на корабли вместе с вооружением и всякими другими припасами, потребовались достаточно хорошие капитаны и руководители этого огромного предприятия. Хотя очень многие (в числе их были и совсем неопытные люди) предлагали свои услуги, особенно настойчивое желание, чтобы ему были поручены заботы и руководство предприятием, выражал некий сэр Хью Уиллоуби, храбрый дворянин, знатного происхождения. Компания ставила его очень высоко в сравнении с другими, как вследствие его представительной наружности (он был высокого роста), так и его замечательного искусства в делах военных. Таким образом в конце концов они и постановили избрать его начальником плавания и назначили адмиралом с полной властью и с подчинением ему всех остальных лиц. Получить в управление другие корабли также

желали очень многие и также предлагали услуги, но по общему согласию был избран некто Ричард Ченслор, человек **[49]** пользовавшийся большим уважением за свой ум. С ним одним связывались наибольшие надежды на то, что предприятие будет выполнено. Он был выдвинут неким господином Генри Сиднеем, благородным молодым дворянином, очень близким к королю Эдуарду. Сидней, явившись в собрание купцов, произнес красноречивую речь, обратившись к ним со следующими словами:

“Мои достопочтенные друзья, я могу только приветствовать ваше настоящее угодное богу и добродетельное намерение начать это важное предприятие, объясняемое вашей особенной любовью к родине. Я надеюсь, что начатое дело принесет пользу нашему народу и почет нашей стране. И мы, дворяне, готовы в меру наших сил помогать и содействовать вашим намерениям, и нет ничего столь дорогого и ценного, чем бы мы не пожертвовали в столь почтенном деле. Что касается меня, то я особенно радуюсь тому, что я всегда держался мысли какими-нибудь средствами и в какой-нибудь мере помочь и содействовать вам в вашем достойном деле. Но я хотел бы, чтоб вы знали, что я расстаюсь с Ченслором вовсе не потому, что я невысоко ставлю его или потому, что его пребывание здесь было бы для меня тягостным, но для того чтобы вы могли усвоить себе и понять мою добрую волю и готовность содействовать успеху вашего дела и чтобы Ченслору был воздан почет, которого он заслуживает. Вы знаете этого человека со слов других, я — по опыту; вы по его словам, я — по его делам; вы—на основании речей в обществе, я же, ежедневно наблюдая его жизнь, знаю его в совершенстве. Вы должны помнить, на какие опасности он идет для вас и из любви к родине; поэтому необходимо, чтобы его не забыли, если богу будет угодно послать ему успех. Мы вверяем немного денег счастью и случайностям фортуны; он же вверяет жизнь, самое дорогое для человека, свирепому морю и случайностям многочисленных опасностей. Мы будем жить и отдыхать у себя дома, спокойно проводя время с друзьями и знакомыми, а он в то самое время будет нести тяжелый труд, поддерживая порядок и послушание среди невежественных смутьянов моряков. Какие заботы будут смущать и мучить его? Какие тревоги будут терзать его? Сколько беспокойств ему придется перенести? Мы останемся на наших берегах и в нашей стране; он будет искать необыкновенных и неведомых государств. Свою безопасность он будет вверять жестоким варварским народам и страшным, чудовищным морским зверям. Поэтому, приняв во внимание великие опасности и важность данного ему поручения, вы обязаны сочувствовать ему и любить человека, который теперь докидает вас, а если ему случится счастливо к нам вернуться, то ваше дело и ваш долг щедро наградить его”.

Когда этот благородный молодой дворянин закончил свою речь или, вернее, приблизительно подобную приведенной, во всяком случае более красноречивую, нежели то, что я мог передать, присутствующие стали **[50]** смотреть друг на друга, спрашивать один другого и совещаться между собой. Те же, которые знали высокие качества Ченслора, радовались в душе и надеялись, что со временем он выкажет свои редкие качества и что его добродетели, уже ясно видимые и сиявшие миру, еще возрастут к великой чести и успехам английского королевства.

Когда вслед за этим общество успокоилось, то самым серьезным людям из числа присутствующих показалось необходимым расспросить, поискать и выяснить все, что можно было узнать о восточных странах света. Послали за двумя татарами, служившими в

то время в королевских конюшнях, и позвали переводчика, через которого их расспрашивали о их странах и обычаях их народа. Но они не были в состоянии ответить ничего, касавшегося дела, будучи более привычны (как это и сказал весело и откровенно один из ник) пьянствовать, чем изучать строй и наклонности народов. После большого шума и разных разговоров пришли, наконец, к решению назначить срок для отплытия судов, так как многие были того мнения, что значительная часть лучшего времени года уже упущена и что если срок отплытия будет еще отдален, то путь будет остановлен и прегражден силой льдов и холодного климата. В силу этого было единогласно решено, что если будет угодно богу, то 20 мая капитаны и матросы сядут на корабли и отплывут из Рэтклиффа с началом отлива. В назначенный день все, простившись с близкими, кто с женой, кто с детьми, кто с родственниками, кто с друзьями, более дорогими, чем родня, были на месте, готовые к отплытию. Подняв якоря, они двинулись с началом отлива и, идя тихим ходом, дошли до Гринича. Большие корабли вели на буксире лодки, шедшие на веслах, и моряки, все одетые в уэчет, г. е. небесно-голубые суконные одежды, сильно гребли, старательно направляя путь.

Когда они подошли к Гриничу, где в то время был королевский двор, и когда о приходе кораблей разнеслись первые вести, придворные выбежали из дворца и собрался простой люд, густой толпой стоявший на берегу. Члены тайного совета смотрели из окон дворца, остальные взобрались на верхушки башен. Тут корабли дали артиллерийский залп, выстрелив из всех орудий на военный и морской образец, так что в ответ зазвучали вершины холмов, а долины и вода отозвались эхом; моряки же так закричали, что небо зазвенело от шума. Кто стоял на корме и жестами прощался с друзьями, как умел, кто расхаживал над люками, кто карабкался на ванты, кто стоял на реях, кто на марсе. Коротко говоря, это было некоторым образом настоящее торжество для зрителей. Но увы! добрый король Эдуард, в честь которого это все было, главным образом, устроено, не присутствовал при этом зрелище вследствие болезни, а недолго спустя после отплытия этих судов последовало печальное и горестное событие — его кончина. **[51]**

Но возвратимся к делу.

Идя вниз по реке с отливом, суда дошли до Улича, где остановитесь и бросили якоря, намереваясь идти дальше, как только состояние воды и более благоприятный ветер позволят поднять паруса. Отплыв затем, они дошли до Гарича; в этой гавани они стояли долго, не без большой потери и траты времени. Наконец, при попутном ветре они подняли паруса и вверили себя морю, послав последнее прости родине и не зная, возвратятся ля они когда-нибудь и увидят ли ее снова или нет. Многие из них оглядывались назад и не могли удержаться от слез, думая о том, какие случайности их ожидают и какие им придется испытать превратности моря.

В числе других, капитан судна “Эдуард — Благое Предприятие” был не мало озабочен боязнью недостатка в съестных припасах, часть которых в Гариче оказалась сгнившей и испорченной; бочки с вином также ослабели и текли. Его естественная отеческая привязанность также несколько тревожила его, потому что он оставил на родине двух маленьких сыновей, которые оказались бы сиротами, если бы он погиб. Заботило его и состояние экипажа, которое до некоторой степени было неудовлетворительно, а между

тем этому экипажу суждено было переживать вместе с ним все хорошее и все дурное. Тем временем, пока мысли его были заняты многочисленными горестями и заботами, после многих дней плавания, они увидели вдалеке землю, куда кормчий и направил корабли. Подойдя к земле, они высадились и узнали, что это остров Рост. Здесь они простояли несколько дней, потом снова поплыли дальше и, подвигаясь к северу, увидели еще несколько островов, которые назывались Крестовыми островами (Вероятно, имеется в виду группа Лофотенских островов.).

Когда они несколько отошли от этих мест, начальник экспедиции, сэр X. Уиллоуби, человек очень предусмотрительный в своих действиях, поднял флаг, созывая начальствующих лиц с других кораблей, чтобы при их совете внести возможные улучшения в порядок управления судами и ведения их во время всего плавания. Съехавшись вместе, они, в соответствии с желанием начальника, порешили и согласились, что в случае, если когда-нибудь поднимется сильная буря и разбросает и рассеет их, каждый корабль будет всячески стараться дойти до Вардехуса, гавани и Замка того же имени в Норвежском королевстве, и что те, которые благополучно придут туда раньше всех, остановятся там и будут ждать прихода остальных.

В тот же самый день около четырех часов пополудни поднялась такая сильная буря и море так разбушевалось, что корабли не могли держаться намеченного курса и силою волнения принуждены были идти **[52]** каждый своей дорогой к великой для себя опасности и навстречу всяким случайностям. Начальник громким голосом кричал Ричарду Ченслору и настойчиво просил его не отдаляться; но последний не хотел и не мог держаться поблизости, пока адмиральское судно продолжало идти так же быстро, потому что оно было лучшим парусником, нежели корабль Ченслора. Адмиральский корабль (я не знаю как это случилось) унесся на всех парусах с такой силой и быстротой, что вскоре исчез вовсе из виду, а третий корабль был также отнесен в сторону этой страшной бурей и потерял нас.

Корабельный бот адмиральского корабля опрокинулся на глазах моряков “Благого Предприятия”. Те, которые вернулись на родину, с тех пор ничего не знают об остальных кораблях и о том, что сталось с ними. Но если случилось так, что они погибли в несчастном крушении, если бешенство моря поглотило этих добрых людей или если они до сих пор живут и блуждают в неведомых краях, мой долг сказать, что они заслуживали лучшей судьбы. Если они живы, то пожелаем им благополучного и счастливого возвращения; если их постигла жестокая смерть, то пошли им бог христианское погребение и могилу.

Ричард Ченслор, оставшись один со своим кораблем и экипажем, тяжело призадумался и испытывал большое горе вследствие рассеяния флота. Согласно полученному ранее приказанию, он направил курс в Норвегию, в Вардехус, чтобы там дожидаться прихода других судов. Придя туда и безуспешно прождав их 7 дней, Ченслор решил, наконец, один продолжать начатое путешествие. Случилось так, что, приготовляясь к отъезду, он познакомился и разговорился с некими шотландцами. Последние, узнав о его намерении и желая ему добра, стали настойчиво отговаривать его от дальнейшего продолжения плавания, преувеличивая грозящие ему опасности и не упуская ни одного довода в пользу

своего мнения. Однако, считая непостоянство и легкомыслие постыднейшим делом, заслуживающим самых сильных упреков, и будучи убежден, что отважный человек не может совершить более бесчестного поступка, как избегать и уклоняться от всяких дерзаний, Ченслор не изменил своего намерения и не пришел в уныние от слов и разговоров шотландцев Он остался твердым и непреклонным в своем первом решении, твердо поставив задачей или привести в исполнение то, что было намечено, или умереть.

Что касается экипажа Ченслора, то хотя люди были очень огорчены потерей своих спутников, которых отделила от них вышеописанная буря, и немало смущены думами и размышлениями о своем ненадежном плавании, однако они были так единодушны во взглядах с капитаном Ченслором, что твердо решили под его управлением и начальством перенести все испытания без всякой боязни и недоверия к себе в грядущих опасностях. **[53]**

Подобная твердость всего экипажа очень усилила заботливость их капитана. Их готовность и любовь к нему подняли его дух, и он стал менее опасаться подвергнуть опасности свой экипаж.

Коротко говоря, когда они увидели, что их надежды на приход остальных судов с каждым днем становятся все более и более тщетными, они вышли в море, и капитан Ченслор направил курс к неизвестным странам и зашел так далеко, что оказался в местах, где совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем (Риторическое увлечение Адамса: огибая Нордкап, Ченслор находился в значительно более высоких широтах.). После пользования непрерывным солнечным светом в течение нескольких дней богу угодно было привести их в большой залив длиной в сто миль или больше. Они вошли в него и бросили якорь, далеко зайдя вглубь. Оглядываясь вокруг и ища пути, они заметили вдалеке рыбачью лодку. Капитан Ченслор с несколькими людьми отправился к ней, чтоб завязать сношения с бывшими в ней рыбаками и узнать от них, какая здесь страна, какой народ и какой их образ жизни. Однако рыбаки, пораженные странным видом и величиной его корабля (ибо здесь до того времени ничего подобного не видели), тотчас же обратились в бегство; он все же следовал за ними и, наконец, догнал их. Когда Ченслор подъехал к ним, рыбаки, помертвев от страха, пали перед ним ниц и собирались целовать его ноги. Но он, по своей всегдашней большой любезности, ласково посмотрел на них, ободряя их знаками и жестами, отказываясь от их знаков почтения, и с дружеской лаской поднимал их с земли. Даже странным кажется, как много сочувствия приобрел он в этих местах своим ласковым обращением! Отпущенные Ченслором рыбаки разнесли по всей округе весть о приезде неведомых людей чрезвычайно любезных и ласковых. Вслед за этим простые люди начали приезжать к кораблю. Они добровольно предлагали новоприезжим гостям съестные припасы и не отказались бы от торговых сношений, если бы не чувствовали себя связанными религиозно соблюдаемым обычаем не покупать иностранных товаров без ведома и согласия своего короля.

Тем временем наши люди узнали, что страна эта называлась Россией, или Московией, и что Иван Васильевич (таково было имя их тогдашнего короля) правил далеко простиравшимися вглубь землями. Русские варвары, в свою очередь, спрашивали у

наших, откуда они и зачем они приехали, на что они получали ответ, что приехали англичане, посланные к этим берегам превосходнейшим королем Эдуардом шестым с приказанием сделать их королю сообщение о некоторых делах, что они ничего не ищут кроме его дружбы и возможности торговать с его подданными, отчего великая прибыль будет для подданных обоих королевств. **[54]**

Варвары охотно слушали такие речи и обещали помочь и содействовать немедленному осведомлению своего короля о столь умеренной просьбе.

В то самое время капитан Ченслор обратился с просьбой к губернатору этих мест, который вместе с другими приезжал на корабль, чтоб тот позволил ему приобрести за деньги нужные для экипажа съестные припасы, и просил дать ему заложников для большей безопасности своей и экипажа. Губернатор ответил, что они не знают, какова будет в этом деле воля их короля, но что они охотно сделают ему угодное во всем, в чем они могут по закону распоряжаться сами, и разрешил доставку ему продовольствия.

Пока все это происходило, послали тайно гонца к царю, чтобы сообщить о прибытии иностранцев и вместе с тем чтобы узнать, как ему угодно поступить с ними. Царь принял известие очень благосклонно и по своему почину, пригласил наших прибыть к его двору. Если же англичане не захотят ехать вследствие продолжительности пути, то царь дозволяет своим подданным вести сношения и торговать с ними. Далее он обещал, что если им угодно будет к нему приехать, то он возьмет на себя все издержки по переезду. Тем временем местные правители откладывали дело со дня на день, то говоря, что нужно единогласное решение всех их, то, что большие и важные государственные дела заставляют их отложить ответ. Все это они делали нарочно, чтоб протянуть время, пока гонец, посланный к королю, не вернулся с извещением его воли.

Однако капитан Ченслор, видя, что ему так долго приходится ждать понапрасну, и думая, что они все время откладывают дело, чтоб обмануть его, настаивал перед местными правителями на исполнении их обещания. В противном случае, сказал он, он уедет и будет продолжать свое путешествие. Поэтому московиты, хоть и не знали еще решения своего короля, но, боясь, что наши действительно уедут со всеми своими товарами, которые они так хотели получить, решили, наконец, снабдить наших всем необходимым и отвезти их сухим путем к королю. Так капитан Ченслор отправился в сухопутное путешествие, которое было очень длинным и тяжелым. Он пользовался санями, очень распространенными в этой стране; все там ездят на санях, и все их повозки такого вида; народ почти не знает других повозок вследствие чрезвычайной твердости земли, замерзающей зимой от холода. Последний в этой стране ужасен и достигает крайних размеров, о чем мы скажем кое-что ниже.

Уже когда они проехали большую часть пути, они встретили ехавшего на санях гонца, о котором я говорил выше и который был послан судьями и правителями. Тот по какому-то несчастному недоразумению сбился с дороги и ездил к морскому берегу, лежащему поблизости от страны татар, думая, что там найдет наш корабль. После долгих блужданий по неверным путям он выехал на прямую дорогу и здесь встретил **[55]** капитана на пути в Москву. Он передал ему грамоты царя, написанные со всею возможною вежливостью и

благосклонностью. В них содержалось и прямое приказание, чтобы лошади для капитана и его спутников доставлялись бесплатно. Во всю остальную часть пути русские везли наших так охотно, что ссорились и дрались, споря между собой, кто заложит почтовых лошадей в сани. Так после многих хлопот и трудов, перенесенных во время длинного и тяжелого путешествия, ибо они проехали около тысячи пятисот миль, капитан Ченслор приехал, наконец, в Москву — главный город королевства и местопребывание короля (Дальнейший рассказ Адамса представляет собой риторическое и высокопарное повторение рассказа самого Ченслора, который и приводится здесь полностью.).

2. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором.

Ввиду того что всем, кто ставит себе целью путешествовать в далеких, чужеземных краях, приличествует и даже необходимо стараться не только узнать о порядках, товарах и плодородии этих стран, но и сообщать об этом во всеобщее сведение и тем побудить других к путешествиям, я счел ныне за благо составить короткий рассказ о ходе этого моего путешествия в Россию и Московию и в другие прилегающие к ней страны. А так как я имел случай попасть в северные области России прежде, чем проехать в Московию, я отчасти сообщу сведения и о них. Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. Русские — отличные ловцы семги и трески; у них много масла, называемого нами ворванью, которая большею частью изготовляется у реки, называемой Двиной. Они производят ее и в других местах, но не в таком количестве, как на Двине. Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где водится пушнина — соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностая и олени. Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж. Ловцы ее живут в месте, называемом Пустозеро (Postesora), и привозят рыбий зуб на оленях в Лампожию (Lampas) на продажу, а из Лампожии везут в место, называемое Колмогоры (Colmogro), где бывает в Николин день большая ярмарка. К западу от Колмогор есть город Гратанове (Gratanove), по нашему Новгород (Откуда получилось такое искажение названия Новгорода — неясно; далее в подлиннике везде такое название повторяется, в нашем тексте даем название Новгород.), где растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда. У голландских купцов есть там склады. Там также очень много кож, равно как и в городе, называемом Псковом (Plesco); и во **[56]** Пскове много льна, конопли, воска и меда, юрод этот находится от Колмогор в 120 милях (Расстояние, явно преуменьшенное, на какие бы мили ни вести расчет.).

Есть там город, называемый Вологда: тамошние товары — сало, воск и лен, но там их не так много, как в Новгороде. От Вологды в Колмогоры течет река называемая Двиной, которая за Колмогорами впадает в море Колмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву и все окрестные области солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля (Ieraslave) — 200 миль, это — очень большой город. Тамошние товары — кожа, сало и хлеб — в очень большом количестве и некоторое количество воска, но его не так много, как в других местах.

Москва (Mosco) находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным (Очень интересно сопоставить цветущее состояние страны между Вологдой, Ярославлем и Москвой, отмечаемое Ченслором в 1553—1554 гг. до наступления экономического кризиса в центральных областях с их упадком в конце 1580-х годов, отмечаемым Флетчером.). Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль, все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико.

Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиною в 18 футов, но я не верю этому, они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров, по другую — река, называемая Москвой (Moscua), текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка (Ченслор совершенно верно передает топографическое соотношение Кремля (замка) и Китай-города (город, насеченный низшими слоями), кирпичные стены которого были построены в 1530-х годах.). Царь (emperour) живет в замке, в котором есть 9 прекрасных церквей и при них **[57]** духовенство. Там же живет митрополит с различными епископами. Я не буду описывать их зданий и сооружений и оценивать их крепости, потому что у нас в Англии замки лучше во всех отношениях. Впрочем, московские крепостные сооружения хорошо снабжены всевозможной артиллерией.

Дворец царя или великого князя как по постройке, так и по внешнему виду и по внутреннему устройству далеко не так роскошен, как те, которые я видел раньше. Это очень низкая постройка из камня, обтесанного гранями (Вероятно, имеется в виду Грановитая палата.), очень похожая во всех отношениях на старинные английские здания.

Теперь перехожу к рассказу о моем представлении царю. После того как прошло уже 12 дней с моего приезда, секретарь (Ченслор прибыл к устью Двины 24 августа J553 г., из Колмогор он выехал 3 ноября того же года. Его представление царю должно было происходить в январе 1554 г. “Секретарь, ведающий дела иностранцев” — вероятно, кто-нибудь из дьяков или старших подьячих посольского приказа.), ведающий дела иностранцев, послал за мной и известил меня, что великому князю угодно, чтоб я явился к его величеству с грамотами короля, моего государя. Я был очень доволен этим и тщательно приготовился к приему. Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мною во внешние покои, где сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотом платье; оттуда я прошел в зал совета, где сидел сам великий князь со своею знатью,

которая составляла великолепную свиту. Они сидели вдоль стен комнаты на возвышении, но так, что сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла. Канцлер (Под “канцлером” следует, вероятно, разуметь думного дьяка посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого, занимавшего эту должность до своей опалы и казни в 1570 г.) и секретарь стояли перед великим князем. Когда я отдал поклон и подал свои грамоты, он обратился ко мне с приветствием и спросил меня о здоровье короля, моего государя. Я ответил, что при моем отъезде от его двора король находился в добром здоровье и что я уверен, что он и теперь находится в таком же добром здоровье. После этого царь пригласил меня к обеду. Мое приношение канцлер представил его милости с непокрытой головой (до того они все были в шапках). Когда его милость получил мои грамоты, мне предложили удалиться: мне было сказано, что я не могу сам обращаться к великому князю, а только отвечать ему, если он говорит со мной. Итак, я удалился в комнату секретаря, где оставался два часа. Затем снова пришли за мной и повели меня в другую палату, **[58]** называемую “Золотой” (Ченслор в этом месте говорит что его повели в другой дворец (palace), но судя по дальнейшему описанию, дело, вероятно, идет не об отдельном дворце а именно о так называемой “Золотой палате” царского дворца.). Я не вижу, однако, причин, почему бы ей так называться, ибо я видел много гораздо лучших, чем эта. Итак, я вошел в залу, которая невелика и гораздо меньше зал английского королевского величества Стол был накрыт скатертью, на конце его сидел маршал (Трудно точно определить, кого Ченслор называет маршалом. Бояриному и дворецким был в то время боярин Даниил Романович Юрьев-Захарьин, старший брат царицы Анастасии Романовны.) с небольшим белым жезлом в руке, стол был уставлен золотой посудой; на другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сам великий князь сидел не в торжественном на ряде, в серебряном одеянии с царской короной на голове. Он сидел на кресле, поставленном довольно высоко; около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении. Длинные столы были накрыты вокруг комнаты; все они были заполнены теми, кого великий князь пригласил к обеду; все были в белом. Все места, где стояли столы, были на две ступени выше, чем пол остальной части палаты. Посередине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки (crudences), как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя, когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались без всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные, кубки также были золотые и очень массивные. Число обедавших в этот день было около 200, и всем подавали на золотой посуде. Прислуживавшие дворяне были все в золотых платьях и служили царю в шапках на голове. Прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говори!: “Иван Васильевич царь Русский и великий князь Московский жалует тебя хлебом”. При этом все должны были вставать и стоять пока произносились эти слова. После всех он дал хлеб маршалу; тот ест его перед его великокняжеской милостию, кланяется и уходит. Тогда вносят царское

угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь — на отдельном блюде. Великий князь рассылает их так же, как хлеб, и подающий говорит те же слова, как и раньше. Как я уже сказал, кушанья подаются без определенного порядка, но блюдо за блюдом. Затем великий князь **[59]** рассылает напитки с теми же словами, какие сказаны выше. Перед обедом великий князь переменил корону, а во время обеда менял короны еще два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове. Когда все кушанья были поданы, он своей рукой дал еду и напитки каждому из прислуживавших дворян. Его цель, как я слышал, состоит в том, чтоб каждый хорошо знал своих слуг. По окончании обеда он призывает своих дворян одного за другим, называя их по имени, так что удивительно слушать, как он может называть их, когда их у него так много. Итак, когда обед кончился, я отправился к себе; это было в час ночи. Теперь я оставлю этот предмет. Я не буду больше говорить ни о царе, ни о его придворном обиходе, но я сообщу кое-что о его стране и народе и о свойствах и могуществе русских в военных делах. Этот князь — повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против Ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать. Однако он никогда не берет на войну ни крестьян, ни купцов. Все его воины — конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих; число их составляет 30 тысяч. Всадники — все стрелки из лука, и луки их подобны турецким; и, как и турки, они ездят на коротких стременах. Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове. У некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчой; они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне. Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить. Сам великий князь снаряжается свыше всякой меры богато; его шатер покрыт золотой или серебряной парчой и так украшен каменьями, что удивительно смотреть. Я видал шатры королевского величества Англии и французского короля, которые великолепны, но все же не так, как шатер московского великого князя. А когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно, а когда он не разъезжает с одного места на другое, он одевается немного лучше обыкновенного. В то время когда я был в Москве, великий князь отправил двух послов к королю Польскому по крайней мере при 500 всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом и притом не в малом числе. Что мне еще сказать? Я никогда не слыхал и не видел столь пышно убранных людей. Но это не их повседневная одежда; как я уже сказал выше, когда у них **[60]** нет повода одеваться роскошно, весь их обиход в лучшем случае посредственный.

Теперь — о их ведении войны; на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову.

Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалования никому, кроме иностранцев. Последние имеют ежегодное жалованье, но небольшое. Подданные великого князя служат каждый на свой собственный счет; только своим стрельцам он дает некоторое жалованье на порох и снаряды. Кроме них никто во всей стране не получает ни одного пенни жалованья. Однако если человек имеет большие заслуги, то великий князь дает ему ферму или участок земли (Т. е. поместье, которое Ченслор и имеет в виду в дальнейшем изложении.); за что получивший обязан быть готовым к походу с таким количеством людей, какое назначает князь; он же должен соображать в своем уме, что может дать этот участок и соответственно этому он обязан поставлять, что положено, когда во владениях великого князя ведутся войны. В этой стране нет ни одного земельного собственника, **[61]** который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем необходимым.

Точно так же, если какой-нибудь дворянин или земельный собственник умирает без мужского потомства, то великий князь, немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы с ним выдать замуж дочерей умершего. Точно так же, если зажиточный человек, фермер или собственник (Т. е. вотчинник. У Ченслора очень верное понимание принципа поместного владения, но он как будто склонен служебную вотчину слишком тесно сближать с поместьем.), состарится или несчастным образом получит увечье и лишится возможности нести службу великого князя, то другой дворянин, нуждающийся в средствах к жизни, но более годный к службе, идет к великому князю с жалобой, говоря: у вашей милости есть слуга, неспособный нести службу вашего высочества, но имеющий большие средства; с другой стороны, у вашей милости есть много бедных и неимущих дворян, а мы, нуждающиеся, способны хорошо служить. Ваша милость пусть посмотрит на этого человека и заставит его помочь нуждающимся. Великий князь немедленно посылает расследовать об имении состарившегося. Если расследование подтвердит жалобу, то его призывают к великому князю и говорят ему: “друг, у тебя много имения, а в государеву службу ты негоден; меньшая часть останется тебе, а большая часть твоего имения обеспечит других, более годных к службе”. После

этого у него немедленно отбирают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и его жене. Он даже не может пожаловаться на это, он ответит, что у него нет ничего своего, но все его имение принадлежит богу и государевой милости; он не может сказать, как простые люди в Англии, если у нас что-нибудь есть, что оно — “бога и мое собственное”. Можно сказать, что русские люди находятся в великом страхе и повиновении и каждый должен добровольно отдать свое имение, которое он собирал по клочкам и нацарапывал всю жизнь, и отдавать его на произволение и распоряжение государя. О, если бы наши смелые бунтовщики были бы в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям! Русские не могут говорить, как некоторые ленивцы в Англии: “Я найду королеве человека, который будет служить ей за меня”, или помогать друзьям оставаться дома, если конечное решение зависит от денег. Нет, нет, не так обстоит дело в этой стране; они униженно просят, чтоб им позволили служить великому князю, и кого князь чаще других посылает на войну, тот считает себя в наибольшей милости у государя; и все же, как я сказал выше, князь не платит никому жалования. Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их **[62]** соседи не имели бы покоя от них. Но я думаю, что не такова божья воля: я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал ее, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек. Войны русские ведут с крымскими татарами и с ногайцами.

Я не буду продолжать дальше рассказа о их могуществе и их войнах; это было бы слишком скучно читателю, но я вкратце расскажу о их законах, наказаниях и судебном производстве. Я начну прежде всего с сельского населения, власть над которым принадлежит дворянам; депо в том, что каждый дворянин имеет право суда над своими крестьянами (tenants) (Называя крестьян английским термином tenants, Ченслор, видимо, сближает их с английскими арендаторами земельных участков.). И если случается, что холопы (servants) или крестьяне двух различных дворян затеют ссору, то оба дворянина, призвав обе стороны, рассматривают дело и постановляют решение. Но если они не могут окончательно разрешить дело между собою, то оба дворянина должны привести своего холопа или крестьянина и поставить его перед высшим судьей или судом данной области и объяснить сущность дела. Истец говорит: я требую правосудия; его просьба исполняется: приходит пристав (an officer) и арестует ответчика, поступая с ним совершенно противно английским законам. Задержанных людей у них бьют по ногам, пока они не представят поручительства по своему делу. Если же он этого не сделает, то ему привертывают руки к шее, водят по городу и бьют по ногам, налагая и другие крайние наказания, пока не приведут к судье. Судья спрашивает, если дело идет о долге: (повинен ли ты уплатить этому человеку такой-то долг?” Он может быть скажет: “нет”. Тогда судья говорит: “можешь ли ты доказать, что ты не должен; послушаем, как ты это сделаешь”. “Присягой”, говорит ответчик. Тогда судья приказывает прекратить бить его до дальнейшего разбирательства дела.

В одном отношении русское судопроизводство достойно одобрения. У них нет специалистов-законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, она

подается в его собственные руки и содержит просьбу о правосудии, сообразно тому, как изложено в жалобе.

Великий князь постановляет решения по всем вопросам права. Конечно, достойно похвалы, что такой государь берет на себя труд отправления правосудия. Несмотря на это происходят удивительные злоупотребления и великого князя много обманывают. Но если окажется, что **[63]** должностные лица скрывают истину, то они получают заслуженное наказание. Если же истец не может доказать ничего, то ответчик целует крест в том, что он прав. Тогда спрашивают истца, не может ли он представить какие-либо иные доказательства. Если нет, то он может иногда сказать, "я могу доказать свою правоту своим телом и руками или телом моего бойца", и таким образом просит поля. После того, как противная сторона принесет присягу, поле дается и той и другой; перед тем, как стать на поле, оба целуют крест, что они правы и что каждый заставит другого признать истину, прежде чем они уйдут с поля. Итак, оба выходят в поле с оружием, обычно употребляемым в этой стране. Они всегда сражаются пешими. Сами стороны бьются редко, если только они не из дворян. Последние очень стоят за свою честь и желают сражаться только с лицами, происходящими из столь же благородного дома, как они сами. Итак, если одна из сторон требует поля, то оно дается им, причем запрещается ставить вместо себя наемного бойца, благодаря чему дело обходится без обмана. Иначе обстоит дело, когда бьются наемные бойцы. Хотя они дают великие клятвы, что будут биться честно и по правилам, но часто наблюдается противоположное, потому что обычно наемные бойцы не имеют других средств существования. Как только одна сторона одержит победу, она требует уплаты долга, ответчика же отправляют в тюрьму, где подвергают его самому позорному обращению, пока он не примет своих мер. Есть и другой порядок суда: истец в некоторых тяжбах о долге сам принимает присягу. Если ответчик беден, его подводят под распятие, а истец клянется над его головой. Когда присяга принесена, великий князь берет ответчика в свое дворцовое хозяйство и обходится с ним, как со своим холопом, заставляет его работать или отдает его в наем каждому желающему до тех пор, пока его друзья не позаботятся о его выкупе: иначе он остается в холопстве до конца жизни. С другой стороны, есть много таких, которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство, чтоб всю жизнь получать за это пищу, питье и платье, а при продаже они получают также деньги. А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю.

Русские законы о преступниках и ворах противоположны английским законам. По их законам они не могут повесить человека за первое преступление, но они могут долго держать его в тюрьме, часто бить его плетьми и налагать на него другие наказания; и он будет сидеть в тюрьме, пока его друзья не возьмут его на поруки. Если это вор или мошенник, каких здесь очень много, то если он попадется во второй раз, ему отрезают кусок носа, выжигают клеймо на лбу и держат в тюрьме, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. А если его поймают в третий раз, то его вешают. Но и в первый раз его наказывают жестоко и не выпускают, разве только у него найдутся добрые друзья **[64]** или какой-нибудь дворянин пожелает взять его с собой на войну, но при этом последний принимает на себя большие обязательства: этими-то средствами и поддерживается в стране достаточное спокойствие. Русские по природе очень склонны к обману; сдерживают их только сильные побои. Точно так же от природы они привыкают к

суровой жизни, как в отношении пищи, так и в отношении жилья. Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пишу и питье без всякой работы, да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего. Бедняков здесь неисчислимое количество, и живут они самым жалким образом. Я видел, как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу. Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо. По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь.

Однако я оставляю теперь этот предмет и частично опишу их религию. Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано. В их церквах нет высеченных изображений, но только писанные, дабы не нарушать заповеди (Заповедь: “Не сотвори себе кумира…”.); но к своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали. Они не поклоняются и не почитают никакой иконы, сделанной не в их стране. По их словам, начертания и образы их икон установлены от бога, не как у нас. Они говорят, что мы, англичане, чтим иконы в том виде, как сделает их живописец или ваятель, а они, русские, почитают иконы, только когда они освящены. Они считают нас только полухристианами, потому что мы, подобно туркам, не соблюдаем всего ветхого завета. Поэтому они считают себя святее нас. Они учатся только своему родному языку и не терпят никакого другого в своей стране и в своем обществе. Вся их церковная служба происходит на родном языке. Они почитают ветхий и новый завет, которые ежедневно читаются, но суеверие от этого не уменьшается. Ибо, когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает; да никто их и не слушает. Все время, пока священник читает, народ сидит и люди болтают друг с другом. Но когда священник совершает службу, никто не сидит, но все гогочут и кланяются, как стадо гусей. В знании молитв они мало искусны, но обычно говорят: “As bodi pomele”, что значит “господи, помилуй меня”, и десятая часть населения не сумеет прочесть “отче наш”; что касается “в**е**рую”, то в это дело никто и впутываться не будет вне церкви, ибо они говорят, что об этой молитве можно даже и говорить **[65]** только в церкви. Заговорите с русскими о заповедях, они скажут, что они были даны Моисею в законе, который был отменен достойными почитания страданиями и смертью Христа; а потому мы (говорят русские) соблюдаем их плохо или вовсе не соблюдаем. И в этом я им верю, ибо если их начать испытывать одновременно во всем их церковном законе и в заповедях, то согласия было бы немного. Таинство причащения совершается у них под обоими видами и с большей торжественностью, чем у нас. Они выносят дары в чаше под обоими видами сразу и носят их по всей церкви на голове священника и так действуют каждый раз, как это потребуется. Они ставят большое количество свечей и часто жертвуют деньги, которые мы в Англии называем “деньгами по душе” (soule pence), и все с такими церемониями, что я их пересказать не могу. У русских четыре поста в году; из них наш пост считается важнейшим. Но мы начинаем его со среды, а они — с понедельника перед тем. Предыдущую неделю они называют “масляной” (Butterweek), и в эту неделю они не едят ничего, кроме молока и масла. Однако я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства. Следующий пост называется Петровским; он всегда начинается в понедельник, следующий после Троицына дня, и заканчивается накануне Петрова дня. Русские убеждены, что если нарушить этот

пост, то не пройдешь через небесные ворота. Когда кто-нибудь из них умирает, то в гроб ему кладут свидетельство, которое душа, подойдя к воротам рая, могла бы предъявить св. Петру, который тогда объявляет, что это верный и святой русский человек. Третий пост начинается за 15 дней до Успенья и кончается накануне его. Четвертый пост начинается в день св. Мартина и кончается накануне Рождества. В этот пост постятся в честь св. Филиппа, св. Петра, св. Николая и св. Климента. Эти четверо — главные и величайшие святые этой страны. Во время своих постов русские не едят ни масла, ни яиц, ни молока, ни сыра, но, строго соблюдая посты, питаются рыбой, капустой и кореньями. Кроме постов они круглый год свято соблюдают среды и пятницы, а по субботам едят мясо. Далее, у русских очень много духовных лиц: это—черные монахи, которые весь год не едят мяса, а только рыбу, молоко и масло. По их правилам они не должны есть свежей рыбы, а во время постов едят только молодую капусту, капусту кочанную, огурцы и другие коренья, вроде репы и т. п. Их напиток похож на наш пенсовый эль и называется “квас” (quass). В монастырских церквах служат ежедневно; идут монахи к службе за два часа до рассвета, а кончается она при дневном свете. В 9 часов идут к обедне, по окончании ее — обед; после этого опять служба и наконец ужин. Вы поймете, что за обедом и ужином каждый день объясняется евангелие на данный день, но как они коверкают и путают евангелие с другими частями св. писания — это, по слухам, удивительно. Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по **[66]** вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем. Судите теперь о их святости. У них вдвое больше земли, чем у самого великого князя, но по отношению к ним он действует умеренно. Когда они обирают простых людей и бедняков, он получает часть. Когда настоятель (abbot) какого-нибудь монастыря умирает, великий князь наследует все его движимое и недвижимое имущество, так что его преемнику приходится выкупать его у великого князя; вследствие этого монахи — лучшие арендаторы князя. Здесь я кончаю о их религии, надеясь потом узнать ее лучше.

Весьма достопочтенному и моему единственному дяде
Господину Кристоферу Фротсингэму отдайте это.
Сэр, прочтите и будьте корректором, ибо велики дефекты.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Ахтерштевенъ — деревянная (в XVI в.) часть, прикрепляемая к задней части киля; на ахтерштевень с внешней стороны привешивается руль.

Баксан — сигнальный маяк.

Бакборт — левый борт судна.

Бар — песчаная коса при впадении рекп в море.

Батман — персидская мора веса, равна 6 1/2 англ. Фунтам.

Бейдевинд — попутный ветер.

Бизань-мачта — задняя мачта на трехмачтовом судне.

Бист — мелкая персидская монета, равная 2 1/2 англ. пенсам.

"Бочка" или "*гнездо"* — особый вид упаковки металлических сосудов, при которой один сосуд вкладывается в другой.

Брашпиль — ручной механизм типа лебедки, при помощи которого выбирается якорная цепь и поднимается якорь,

Буса — большая морская ладья с высокими бортами, приподнятыми при помощи набоев, т. е. набитых по бортам досок. Бусы служили также для поездок русских по Каспийскому морю.

Ванты — канаты, соединяющие мачту с бортами судна.

Галсоны — гребные суда на Каспийском море.

Гиглляваp — морской ветер.

Гротзейль — оснащение парусами грот-мачты.

Грот-мачта — средняя мачта на трехмачтовом судне.

Диферентовать — уравновесить.

Дрейф — относ судна морским течением.

Зонд — см. лот.

Кабельтовы, — мера длины для коротких морских расстояний; в собственном смысле длина якорного каната.

Кабестан — вертикальный ворот для навивания якорного каната при заводе судна.

Каравеллы — небольшие одно- или двухмачтовые суда.

Киль — основная продольная ось корабля в виде выдающегося наружу бруса, расположенного по всей длине судна в нижней его части. К килю прикрепляются шпангоуты — ребра корабля.

Лига (league фр. lieue) — морская миля, равная около 4 километров.

Лихтер — см. паузок.

Лот — прибор для измерения глубины.

Люк — отверстие в палубе или на борту судна.

Марс — площадка на скрещении мачт и реев.

Марс — корабельная снасть.

Паузок — легкое судно, употребляемое для облегчения и разгрузки больших судов.

Пенсы русские — под русскими «пенсами» разумеются, несомненно, алтыны. Если шах приравнивается к 6 алтынам, то туман, равный 200 шахам, равняется 1200 алтынам, или 36 рублям.

Пинасса — небольшое морское судно, иногда отправляемое в самостоятельное плавание (см. путешествие Стифена Бэрроу), иногда служившее в качестве большого бота на борту более крупного судна.

Райна — см. рей.

Реи — перекладины па мачтах, служившие для установки и укрепления парусов.

Румбы — направления ветров.

Сажень — мера длины в 6 футов (fadom иди fathom). Проходит по всему тексту.

Струга — плоскодонные гребные суда па Волге.

Тезик — персидский купец.

Туман — крупная персидская денежная единица.

Фальконеты
Фальконы
Фулеры } — различные виды пушек.

Фок-мачта — передняя мачта трехмачтового судна.

Форзейль — оснащение фок-мачты парусами.

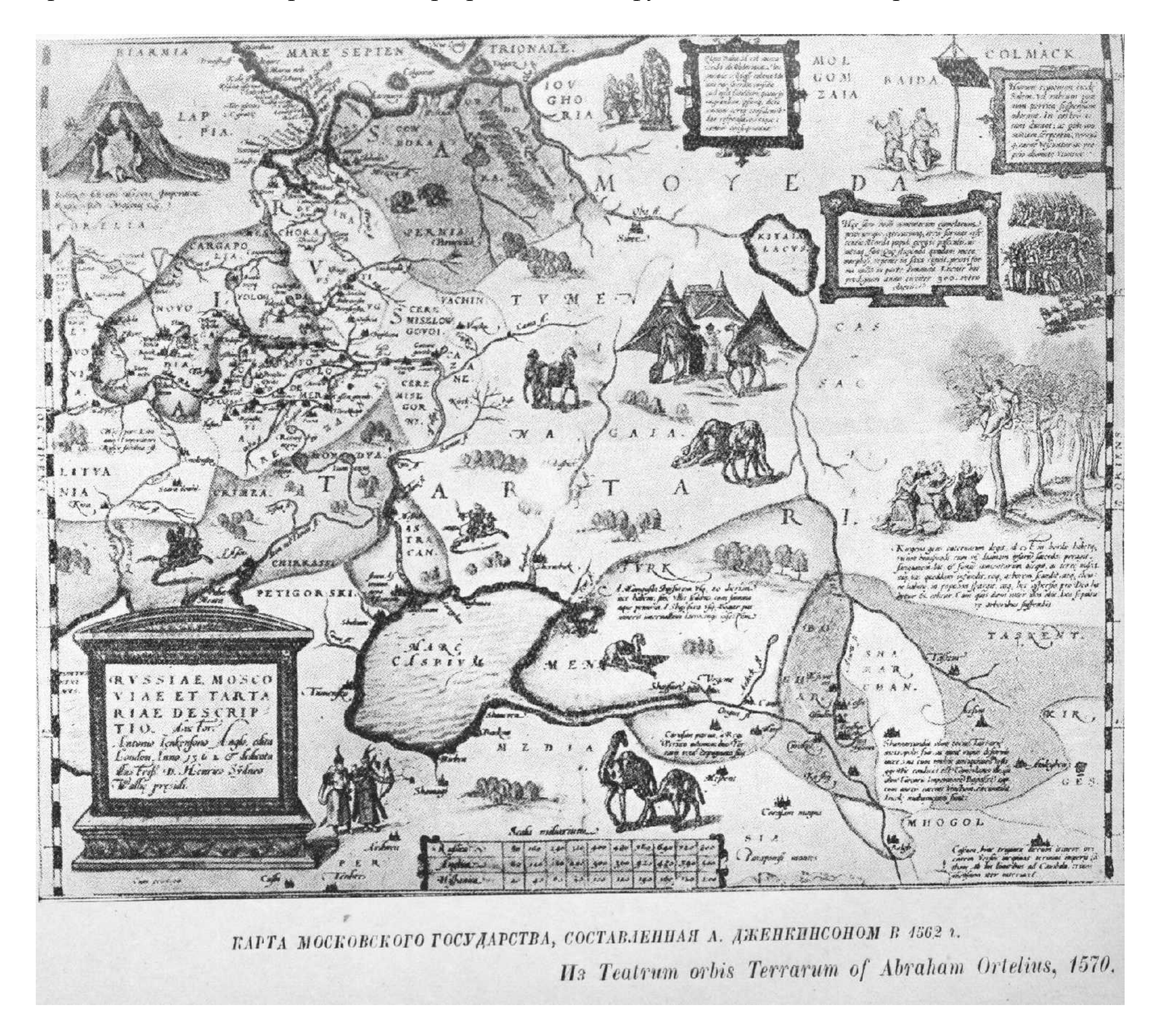
Шах — персидская денежная единица, равная 6 англ. пенсам.

Штирборт — правый борт судна.

Швартоваться — причалить, привязавшись к канатам.

Эсквайр — почетный титул английского дворянина.

Ярд — английская мера длины. Ярд равен 3 англ. футам, иди 0,9144 метра.

КАРТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА, СОСТАВЛЕННАЯ А. ДЖЕНКИНСОНОМ В 1562 г.
Из Teatrum orbis Terrarum of Abraham Ortelius, 1570.

ПЕРЕВОД ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ НА КАРТЕ ДЖЕНКИНСОНА

(Расположены сверху вниз и слева направо)

1. Золотая баба — золотая старуха — предмет религиозного культа обдорцев и югорцев. Жрец вопрошает этого идола о том, что им делать и куда им перекочевать; идол (достойно удивления) дает точные ответы, и события точно сбываются.

2. Жители этих стран поклоняются Солнцу в виде красного холста, привешенного к жерди. Они проводят жизнь в становищах, питаются мясом всех животных, в том числе змей и червей, и имеют свой собственный язык.

3. Скалы эти, напоминающие облик людей, вьючных животных (верблюдов), прочего скота и других предметов, были собранием людей, пасущимся стадом и табунами. Вследствие некоей изумительной метаморфозы, они внезапно обратились в камни, ничем не изменив своей прежней формы. Это чудо совершилось около 300 лет тому назад.

4. Киргизский народ живет толпами, т.е. ордами, и имеет следующие религиозные обычаи: когда жрец совершает богослужение, то он берет кровь, молоко и навоз животных, смешивает их с землей и вливает в сосуд; затем влезает с ним на дерево и когда соберется народ, прыскает в него эту жидкость, и такое впрыскивание почитается ими за бога. Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо того, чтобы хоронить его, они вешают его на дерево.

5. От Мангышлака до Шайсура (В тексте путешествия Дженкинсона Шайсур называется Селизюр.) они совершают путь 20 дней; на пути нет никаких обиталищ и большой недостаток в воде. От Шайсура до Бухары — такое же протяжение пути, опасного от разбойников.

6. Малый Хорасан, завоеванный в 1558 г. персидским шахом с помощью татар.

7. Самаркандия была некогда столицей всей Татарии, теперь она лежит в безобразных развалинах, смешанных со многими следами древности. Там похоронен тот Тамерлан, который, пленив турецкого императора Баязета, велел носить его напоказ, закованного в золотые цепи

8. Каскара (Кашгар). В 30 днях пути отсюда начинаются границы Китайской империи. От этих границ до Камбалу путь продолжается 3 месяца.

ВАЖНЕЙШИЕ СОЧИНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СНОШЕНИЙ РОССИИ И АНГЛИИ В XVI СТОЛЕТИИ

ГАМЕЛЬ И. Начало торговых и политических сношении между Англией и Россией (Жур. Мин. Нар. Просв., 1856, № 2 и 3 и отдельно).

ГАМЕЛЬ И. Англичане в России в XVI-XVII вв. (Зап. Акад. Наук, т. VIII, 1865, и т. XV, 1869 и отдельно. СПБ. 1865-1869).

ТОЛСТОЙ Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПБ. 1876.

ТОЛСТОЙ Ю. В. Первые сношения Англии с Россией (Русск. Вестник, 1873, № 6).

ТОЛСТОЙ Ю. В. Англия и ее виды на Россию в XVI в. (Вестник Европы, 1875, № 8).

ЛЮБИМЕНКО И. И. История торговых сношений России с Англией. Вып. I, XVI в., Юрьев 1912.

ЛЮБИМЕНКО И. И. Английские торговые компании в России в XVI в. (Истор. обозрение, т. VII, 1894).

ЛЮБИМЕНКО И. И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв. (Истор. Известия, 1916, № 3-4).

ЛЮБИМЕНКО И. И. Новые работы но истории сношений Московской Руси с Англией (Истор. Изв., 1916, № 2).

ЛЮБИМЕНКО И. И Русский рынок как арена борьбы Голландии с Англией (Русское прошлое, 1923, № 5).

ЛЮБИМЕНКО И. Г. Сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. (Зап. Ак. Наук, 1932, № 10). Эта же работа повторена автором во французском издании — Inna Lubimenko "Relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand". Paris 1933. XX + 310.

ПЛАТОНОВ С. Ф. Прошлое русского Севера, II, 19-23.

ПЛАТОНОВ С. Ф. Иноземцы на русском Севере в XVI-XVII вв. (В "Очерках по истории колонизации Севера, изд. Комитета Севера", вып. 2, II, 1923).

ВАЛК С. Н. К истории англо-русских отношений в XVI в. (Голос Минувшего, 1914, № 10).

УЛЯНИЦКИЙ В. А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XV-XVII вв. (Чтения О-ва Ист. и Древн. Росс., 1888, кн. 3).

ИШАКОВСКИЙ А. Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI-XVII вв. (Сбор. Ист. Этн. кружка при университете св. Владимира, вып. 7, Киев 1915 г.).

ФОРСТЕН Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI вв. СПБ. 1884.

ФОРСТЕН Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII вв. СПБ. 1892.

Актовый материал, относящийся к англо-русским сношениям XVI в., опубликован в книге Ю. В. Толстого "Первые 40 лет сношении России с Англией" (II.1876), — в Сборнике Русск. Истор. Общества, г. XXXVIII (документы, напечатанные в этом томе, хронологически продолжают документы, напечатанные Толстым) и в книге И. И. Любименко "История торговых сношении России с Англией" (Юрьев 1912) и в "Актах и письмах к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII ст." СПБ. 1889.

Историко-археографический сектор Института Истории Акад. Наук подготовляет к печати сборник документов по англо-русским отношениям XVI-XVII столетий.